

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Виктор Штанько

Трудно быть другом

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Виктор Штанько
Трудно быть другом

Издательство «Детская литература»

2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Штанько В. Н.

Трудно быть другом / В. Н. Штанько — Издательство «Детская литература», 2014 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005218-7

Сборник состоит из двух повестей – «Маленький человек в большом доме» и «Трудно быть другом». В них автор говорит с читателем на непростые темы: о преодолении комплексов, связанных с врожденным физическим недостатком, о наркотиках, проблемах с мигрантами и скинхедами, о трудностях взросления, черствости и человечности. Но несмотря на неблагоприятные семейные и социальные ситуации, в которые попадают герои-подростки, в повестях нет безысходности: всегда находится тот, кто готов помочь. Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005218-7

© Штанько В. Н., 2014
© Издательство «Детская литература», 2014

Содержание

О конкурсе	7
Маленький человек в большом доме	9
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Штанько

Трудно быть другом

Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова

Российский Фонд Культуры
Совет по детской книге России

Куратор проекта *А. Архипова*
Оформление серии *А. Рыбакова* Иллюстрации *Н. Клименко*

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что и происходит до настоящего времени. Вторым Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, произведений поэтических жанров. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

Отправить свое произведение на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные рукописи два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Маленький человек в большом доме

Звякнуло где-то в голове: «Ромка, салютик!» Даже не открыл глаза взглянуть на часы – знал, что проснулся, как заказано с вечера. Еще ни разу не подвел этот будильник. И такой не купишь. Это вам не железная коробка, набитая колесиками, винтиками! Ха! И не надо корячиться заводить, устанавливать стрелки да еще бояться, что коробка вдруг забарахлит, если даже она суперэлектронная, с японскими батарейками. А этот будильник тихо сидит у тебя в башке. Вот так! Не дергается, хлеба не просит. Но работает безотказно! Ромка-культяпка приказывает сам себе: нужно проснуться во столько-то – и в «котелке» минута в минуту что-то срабатывает: «Просыпайся!» Не сразу, конечно, получилось. Нужна хорошая тренировочка, как во всем. Зато теперь никаких проблем. По-научному если, то такое явление называется биологическими часами. Твоя мысль срабатывает. И еще помогает ангел-хранитель, если, конечно, ты веришь в него. И засыпай спокойно, смотри красивые сны. Вася Важен научил его этому. А перед Васей Баженом он преклоняется: тот ему в котелок много клёвого вложил.

Проснулся, но руки все еще ощущали весло: оно так хорошо лежало у него на ладонях, так славно скользила байдарка по воде... Во сне он часто плавал на байдарке и даже ощущал вкус соленого пота.

Но сейчас был совсем другой сон! На воде перед байдаркой плавала чья-то белобрысая косичка. Вот косичка резко дернулась и, взмахнув ярко-красным бантом, ушла под воду. А на том месте только пузырьки – бульк-бульк-бульк! – и всё.

Он сразу понял: кто-то тонет – и рванулся из байдарки.

И проснулся! Резко мотнул головой...

Хорошо, что это был всего лишь сон! Но плохой сон...

Он однажды видел – уже не во сне, – как спасатели на моторке подрулили к берегу с утонувшей женщиной. Заплыла далеко, и, наверно, силы кончились. Криков о помощи никто не слышал, а может, и не кричала, просто на берегу подняли шум.

«Скорая» тут же подъехала, но было поздно: медики ничего не смогли сделать.

До сих пор перед глазами Ромки белое лицо молодой красивой женщины. На песке, рядом с головой, – длинная коса, словно черная змея скрутилась. А изо рта торчал, весь в пене, сизый кончик языка. Это было так ужасно!

Нет, хорошо, что это был только сон!

Можно полежать еще. Есть о чем подумать.

И снова раздался звон – нет, это уже не будильник в башке!

– Рома! Рома! Проснись, Рома!

Перед носом торчит телефонная трубка – это Тумаган стоит рядом и держит ее в руке.
– Не хотел тебя беспокоить, даже сунул аппарат под подушку. Но звонят и звонят. Может, важное что. Думаю, зря не будут будить так рано. Такой ласковый голос...

Ромка с отвращением двумя пальцами взял трубку: знает он эти ласковые голоса.

– Роман Федорович, я слышу ваше горячее дыхание.

Сразу узнал голос Марианны. Кинозвезду из себя корчит! Марианна Горная! Никакая она не Марианна – Машка Грибова, и все тут. Но разве может артистка жить с такой простой фамилией! Гриб-поганка. Ее все так зовут из-за паршивого характера. А как любит лапшу вешать!

– Птенчик желтопузенький, прости, что не дала тебе понежиться.

– Проехали! Пока!

Ромка уже хотел вернуть трубку Тумагану, как та даже вздрогнула от резкого вопля Машки: она почувствовала, что Ромка не намерен разговаривать с ней.

– Не бросай трубку! Слышишь?! Я должна сказать важное! Не бросай!

Ромка сунул трубку под одеяло, чтоб хоть слегка приглушить этот вопль.

Тумаган уже отошел в сторону, уселся на раскладушку.

– Ты меня слышишь?! – неслось из-под одеяла.

– Слышу, – ответил Ромка, – но я хочу спать.

– А ты проснись, дружок, проснись! И давай зови к телефону нашу разлюбезную. Быстренько! Есть очень важная новость для нее!

– Алисы нет дома.

– Не заливай! Она мне точно сказала, что вечером будет как миленькая, что хочет отоспаться.

– Повторяю: ее нет дома. – Ромка говорил тихо и очень медленно, изо всех сил стараясь не послать эту «поганку» подальше.

– Обманула! Опять крутанула, дрянь рваная! – взвизгнула Машка.

– Будешь хамить – брошу трубку! – прошипел Ромка.

– Тихо, тихо, мой мальчик. Никто не хамит. Это нервы у меня. – И снова голос полился медом, липко обволакивая трубку: – Совсем нервишки поизносились.

Я хочу с тобой посоветоваться по серьезному, очень серьезному делу...

– Не надо! Не хочу влезать в ваши дела! – перебил Ромка. – Сами решайте их!

Его уже начинало мутить от запаха духов, который, казалось, исходил от телефонной трубки. Машка всегда душилась какими-то особыми духами – «Из Парижа мне присылают!» Трепло! В любой лавке стоят бутылки с этой вонью! После ее визитов в квартире висел противный кислый запах. Даже Алиса у себя в комнате открывала форточку, а Ромка – сразу окна нараспашку, чтоб выдуло кислотину.

– Мой мальчик, дорогуша ты мой, не надо так резко щелкать зубками. Я очень прошу передать Алисочке привет от тех людей, которым она вздумала мозги пудрить. На ней долг висит. Большой, понимаешь? Все сроки прошли. А эти люди не любят ждать. Для нее хреново может закончиться эта история. Чувствую, ты, Культяпка, устал слушать меня.

– Устал, точно! Да, я Культяпка и Культяпкой останусь! И потому начхать мне на всех! И на тебя, лахудру безмозглую! Ты никогда ни одной стоящей роли нигде не получишь, потому что ты бездарь! Как пенек, бездарная! И это все знают! Поганка! – Ромка вложил в эти слова всю свою злость и швырнул трубку Тумагану, сидящему с книжкой на раскладушке. – Держи, Тумаган! Включай автоответчик!

Тумаган ловко поймал телефонную трубку и, осторожно уложив ее на аппарат, нажал на нем пару кнопок.

Ромка вздохнул. Пусть теперь попробует дозвониться. Представил перекошенную Машку – еще не успела наштукатуриться. Наверно, перед зеркалом торчит. Решает, сколько

грима надо наложить, чтоб стать похожей на куклу голливудскую. Дешевая джинса ты, а не актриса!

Таких кукол, что ресницами хлопают, сейчас море. Как дядя Серега говорит: «Настоящий актер – чудо. Это что-то невероятное и невозможное». И еще он всегда любит повторять слова Антона Павловича: «А люди ли они?!» Антон Павлович – это писатель Чехов. В школе его проходят. Но в учебнике так скучно о нем написано, что училка сама чуть не засыпает на уроке. А вот дядя Серега совсем по-другому рассказывает про Чехова. У него Чехов очень веселый и заводной человек.

«Читай, Зеленый!» Дядя Серега зовет его Зеленый, Культяпка и еще как-то. На него нет обиды, как и на друзей. Но чтоб всякие актрисульки голос подавали – этот номер не пройдет!

И Ромка, само собой, стал читать Чехова. Циркуль тоже уважает великого писателя. И часто цитирует Ромке: «Нужно учиться каждый день выдавливать из себя по капле раба». Нехило сказано: «По капле! Раба!» А вообще-то читать серьезную книгу тяжело. Прямо чувствуешь, как шевелятся мозги, не привыкшие к такой работе. Детективчики туда-сюда полистал, покрутил. Пара трупов – жуть! А тут совсем не то... И слова вроде те же самые, а в мозгу звучат уже по-другому.

В книжном шкафу на полке целых двенадцать томов Чехова. Папка покупал. И своего друга Барабана приучил к Чехову Ромка. А еще Жюль Верна они любят.

В одном классе с Барабаном штаны протирают. Оба по-страшному ненавидят химию, алгебру и геометрию, от физики ну просто воротит обоих и в пот бросает. Особенно Ромку. Уж дядя Серега как позорит его, как позорит! Да ему самому, то есть Культяпке, ужасно стыдно, но ничего с собой поделаться не может. Он и без этих наук в любой момент может в квартире заменить всякие розетки-включатели-выключатели. Тете Марте, что этажом ниже живет, привел в состояние готовности древний телик – таких уже сто лет не выпускают! Теперь пять программ стал ловить. Тете Марте и не надо больше: все главные сериалы смотри не хочу. И про природу, документальные. От этих фильмов оторваться невозможно! Вот недавно про пауков был и про муравьев! Класс! В космос летаем, по Луне даже топали, а обыкновенную паутину сделать не можем!

Химия – полная тошниловка! «Сейчас нам Зеленский напишет на доске формулу соляной кислоты и расскажет...» И Зеленый, то есть он, Культяпка, скачет козлом к доске. Класс уже в предчувствии. Все в курсе, какой химик из Зеленого и что от него сейчас можно ожидать.

Вот география – да! И здесь уже они с Барабаном не пускают пузыри. С географией у них полный порядок.

В шкафу лежит толстенный «Атлас мира». Там все страны со всеми подробностями: города, реки, горы. И они с Барабаном часто путешествуют по этим странам на лодках или кораблях, на поездах или тачках. И куда душе угодно! На горные вершины залезают. По джунглям бродят. Мечтают когда-нибудь очутиться, где еще нога человека не ступала...

Снова резко ударил по ушам телефонный звонок.

Машка звонит! Хочет добить его. Не дождетесь! Он уже в порядке. А что она полная бездарь – это все в Москве знают. Лично от самой Алисы Петровны много раз слышал.

Надрывается телефон – нет, тут никакая техника не выдержит!

– Тумаган, не трогай трубку!

– А может, твои друзья звонят?

– Друзья в такое время звонить не будут. И у них мобильники. А я даже ночью не выключаю свою трубу – это все знают.

– Сергей Федорович тоже звонит тебе по этому телефону.

– Сегодня воскресенье, и дядя Серега в этот день разрешает себе расслабуху: всю неделю словно в реактивном истребителе сидит. Тетя Катя мне жаловалась недавно: «Третий раз записываю его к врачу сердце проверить, а он все никак. Может, ты ему скажешь...» А я скажу!

Точно скажу. Он у меня рысцой поскачет к доктору! Ты же сам видел, сколько у него дел. Жуть! Тут никакой броненосец не выдержит. Ну а как дядя Серега решает дела, ты, кажется, уже испытал на себе.

– Ага, испытал. Опять сегодня приснилось, как Сергей Федорович меня экзаменует. «Вот, – говорит, – держи вопросы. Читай вслух и отвечай! Сразу отвечай!» А я ничего не вижу на листке. Ну прямо в глазах темно! А он так строго смотрит...

– Слышь, опять звонит! Выключай!

Тумаган отключил телефон.

Тишина. В открытое окно не врывается грохот машин, что вечно спешат куда-то по бетонке. И бензиновая вонь не поднимается оттуда.

Сегодня воскресенье. Кто хотел рвануть из города – уже рванули, а остальные еще не очухались, кемарят. И потому бетонка отдыхает.

Раздался резкий прерывистый звонок в дверь.

Ромка прислушался: нет, свои так не звонят. Ну и утречко!

Звонок не замолкал.

Ромка нащупал ручку костыля и повернулся к Тумагану:

– Не ходи! Я сам проверю! – И поскакал в прихожую.

Стараясь не тюкать по полу костылем, подкрался к двери и глянул в глазок. Два незнакомых качка блестели голыми черепушками и методично по очереди давили на кнопку звонка. Стоят крепко и, похоже, не собираются отчаливать.

– Чиво надо? – пискнул Ромка дурацким голосом: надоел трезвон.

– Ага, есть живые! – Парни повеселели. – С Алисой Петровной у нас назначена свиданка! Утречком приглашала. Открывай ворота!

– А ее нету дома.

– Ты порожняк нам не гони! Был договор: воскресенье утром!

– Она уже больше месяца не приходит домой даже вечером! – ответил Ромка. – И не звонила даже ни разу!

– А ты открой – хотим лично взглянуть!

– Я сказал: нет ее! И не знаю где!

– Открой дверь, козел!

– От козла слышу. И сейчас ментам звякну!

– Каким ментам! Открывай! А то фомкой ломать начнем!

– Ой, не советую. Горя хватите! Хата на охране – через минуту с «калашами» прикатят и вломят, мало не покажется.

Парни отошли – совещание. Ромка хорошо видит их. Шагнул к двери длинный и вежливо так звякнул.

– Диктуй номер мобильного Алисы Петровны!

– Ха! Я его сто лет не знаю. Такая заноза мне ни к чему.

– Где она сейчас?

– Спросите чего полегче. Она не докладывает. А мне до лампочки! Меньше знаешь – лучше спишь. Разве не так? – Это Ромка решил даже слегка пошутить.

Однако парня от шуточки перекосило, и он изо всех сил врезал ногой по двери. Но та даже не вздрогнула.

Дядя Серега серьезных мастеров приглашал, когда ставили, не халтурка. Вон у соседей с пятого этажа – ха-ха! Пару раз дернули ручку – и дверь прямо вместе с коробкой вывалилась, чуть не сделала хозяйку инвалидом!

– Слушаешь? – Парень, видно, решил сообщить что-то важное.

– Слюшаю-слюшаю!

– Передай от Мороза привет. Больше не будем играть в ловилки. Она знает, что к чему, зачем и почему. Понял?

– Если увижу, передам.

Парень хотел еще что-то сказать, но раздумал и махнул рукой.

Вот и нет их уже. Ромка еще поторчал у двери. Смотрались!

Пошлепал в кухню: после такого разговора пересохло в горле. Прямо из носика чайника сделал пару глотков.

Здорово достала кого-то Алиса Петровна. Видно, крепко наколола, если пришли прямо сюда бабки выколачивать! Завязла Алиса Петровна!

А насчет мобильного Ромка не соврал: нету него номера Алисы. Даже у Циркуля нет! Она буквально всё скрывает, потому что натура такая – хочет сразу всех наколоть. Но всех не получается! И уже здорово запахло керосином!

Самому Ромке совсем неинтересно, где тусуется великая и неподражаемая актрисуля. Но обидно за Циркуля: сохнет он по вашей персоне, Алиса Петровна! Молчит, конечно. Но Ромка хоть и круглый лопух, а кое-что видит и даже понимает. И остается только глубоко сожалеть, что такой замечательный товарищ, как Циркуль, никак не врубится, что его водят за нос. И классно водят, ну прямо как сопливого пацана.

Даже во рту горько стало, как вспомнил об Алисе.

Еще пара глотков из чайника. Теперь – порядок!

Поскакал к дивану. Это его лежбище.

На нем можно не только давить подушку, но и просто сидеть и размышлять. Например, какую еще придумать нагрузку, чтоб мышцы плечевого пояса лучше укрепить.

Ромка Зеленый уже давно поставил перед своим курносим носом задачу – стать классным гонщиком на байдарке-одиночке. Пример есть – Вася Важен! Хватай обеими лапами его советы! Важен напридумывал такие упражнения, что спортсмены со здоровыми ногами не всегда могли выполнить, а он со своей культяпкой запросто выдавал. И потому стал первоклассным чемпионом! И всегда говорил Ромке: «Очень многие думают, раз мы с тобой культяпые, то и мозги у нас такие же неполноценные. И потому смотреть им на нас крайне неприятно: портим общий пейзаж. Но видал, как наши паралимпийцы утерли носы здоровеньким-красивеньким?! Вот мы с тобой и должны брать с них пример!»

А вот школа Ромке совсем до фени, все равно, какие отметки ему лепят. Дядя Серега сильно переживает, что у племянничка со школой сплошная неувязочка. И бабушка переживала: «Ромочка, почему ты не хочешь хорошо учиться? Почему такой неусидчивый?» А он и сам не знает почему. Но если честно – ужасная скука одолевает его в школе. И все училки давно махнули на него рукой. Аттестат выдадут все равно. Это знают и он и они. И потому им Зеленский тоже до фени.

Только химичка Ксеньниколавна, которая тоже прихрамывает, но на правую ногу, не забывает о его существовании. И когда Ромка скачет к доске, он всегда чувствует на себе ее острый взгляд. Ромка никому не рассказывал про это. Зачем? И даже сочувствует химичке, когда та ковыляет по классу. Долго не понимал, в чем дело, но дошло: глядя на него, она как бы видит себя, и ей кажется, что все только и думают об ее хромоте. И страшно переживает! Ха! Кому это нужно, Ксеньниколавна? Всем начхать, и не засоряйте себе мозги!

Но вообще-то Ромка знает, какие мысли плавают в башках многих, когда видят таких, как он. Ну а если коляска инвалидная, то уже полный наркоз. Придурки! Этот колясочник тоже, может, когда-то на обеих ногах бегал, как лось, но не повезло: сшибла машина или болезнь. Или еще что-то. И никто из вас, придурков, не застрахован от беды. Никто. И потому не надо глаза в сторону отводить.

Культяпка, кончай об этом! Кранты!

Сегодня Барабан приползет, и достанут большой «Атлас мира», и развернут его... И отправятся куда-нибудь... Может, и Тумагана прихватят с собой. Он клёвый! На спину мешок ему потяжелей – и айда вперед!

Ромка откинулся на спинку дивана и поздоровался со своей культяпкой: «Приветик, Лапушка!»

Это бабушка дала такое прозвище культяпке, как только увидела его ногу. И всегда так называла ее. И папка так называл – Лапушка! В каких-то десяти сантиметрах от нормальной коленки голень резко уменьшалась и уже была похожа чем-то на маленькую кисть руки – пять пальчиков.

Каждое утро Ромка здоровается со своей Лапушкой. Она у него сильная! Тренированная! Вон как сжала ему руку! Лапушка умеет держать карандаш и ручку и пишет не хуже настоящей руки. Короче, у Ромки Зеленого три руки! Это вам не хухры-мухры!

«Лапушка, мы с тобой сегодня должны хорошо поработать».

Представил, как он врезается лопастью весла в тугую гладь воды, как отталкивается от нее, и лодка, слегка вздрагивая, точно живая, с тихим шорохом скользит по каналу.

Зажмурился покрепче и с тихим урчанием нырнул под одеяло.

– Можно задать тебе вопрос, Рома?

– Валяй!

Ромка поглубже зарылся носом в жаркий пух подушки. Еще чуток полежим и встанем. Тебе, Культяпка, никак нельзя слабину давать. Как говорит дядя Серега, «пока еще не заслужил!»

– Ты разговаривал с женщиной по телефону... – Голос Тумагана доносился как бы изда- лека. – Я совсем не знаю ее...

– Тебе страшно повезло! – усмехнулся Ромка.

– Я не об этом. Но, по-моему, с женщиной нельзя разговаривать так грубо. Мне отец всегда говорил: «Женщина – самое главное, что есть на нашей земле. И ты, Тумаган, никогда не позволяй себе...»

– Выдохни, Тумаган! Твой отец, конечно, прав. Но он, наверно, никогда не встречал такой стервы. Злая и посредственная актрисуля. И считает всех вокруг виноватыми, что ей не везет, что не дают ей хороших ролей в театре. И ни в одну киношку никак не просунет носа, а уж как старается! Дядя Серега говорит, что бездарные люди очень опасны. Ты, Тумаган, еще мало жил в наших джунглях.

– Уже три месяца скоро!

– Ха!

– И еще целых двадцать дней здесь у тебя!

– Мало! Хотя за это время тебя могли уже раза три замочить. И никто даже не почесался бы. Был какой-то Тумаган – и нету. Но тебе и мне, считай, повезло. Дышим! Твой отец даже не представляет, как ты тут, в наших джунглях, бродишь без компаса, ведь так?

– Так. Отец и мать ничего не знают обо мне. Когда отец учился, в Москве не убивали за цвет кожи. Отец с друзьями гуляли по Москве в любое время дня и ночи, ходили по музеям... А ты боишься сходить со мной в Третьяковскую галерею, о которой мне отец столько рассказывал.

– Я не боюсь. У тебя нет никаких документов, кроме аттестата. А этого мало. И народ здесь слегка того... Это точно. Поэтому Циркуль сейчас и стоит на ушах, чтобы достать тебе нужные бумаги. Он это сделает, я уверен.

Помолчали. Часы тикают. Ромка любит слушать их тиканье.

– Мы с Барабаном путешествовали по твоей стране. Там большая пустыня, горы. Мы, конечно, на верблюдах, как положено. А горы твои красивые?

– Очень. С нашего двора видны. Снег на вершинах, а рядом река.

– Дома ты, значит, никак не мог остаться?

– Никак. Я тебе уже говорил: у меня еще четыре сестры. Было пять, а Джамиля умерла. Слабенькая была очень. Больницу закрыли, в аптеке не было лекарств. Отец мне говорит: «Тумаган, ты школу закончил. Но аттестат твой здесь никому не нужен. Я хочу, чтоб ты стал настоящим человеком, а не машиной для уборки хлопка».

– И каждый день вас всех посылали на хлопок?

– Да, учеников и учителей. Утром всех на машины – и поехали.

Тумаган замолчал. Вспомнил глаза матери и отца, когда они прощались с ним. Захотелось заплакать. Но сдерживать слёзы он уже научился, хотя внутри у него все словно кипело.

Тихо в комнате.

Ромка повернул голову и выглядывает одним глазом из-под подушки. На стене, рядом с книжным шкафом, сидит на обоях солнечный зайчик. И яркий такой! Ромка давно дружит с ним. Если зайчик запрыгивает из окошка на это место, значит, быть хорошей погодке.

«Приветик!» – Ромка подмигнул солнечному зайчику.

И тот вроде засиял еще ярче – отличный сегодня будет денек!

Перевел взгляд на Тумагана – тот сидит на раскладушке. Съёжился. Коленки голые сжал. Ноги торчат, словно спички. Голову повернул набок, и шея тонкая-тонкая – ну совсем как общипанный цыпленок.

Тумаганчик... чик-чик... Как здорово, что они встретились! А могли пройти мимо друг друга...

В тот вечер Ромка засиделся у Алешки Барабана. У того аквариум – высший класс! А тут прикупил рыбок, сделал для сомиков домик – сто окошек, сто дверей. И сомики сразу стали осваивать его. Из одного окошка торчит хвост, из другого голова с усами! Хохма! Золотые начали совать носы в домик – не получается! Толстопузые! И от зависти пыхтят, хвостами трясут...

Барабан все уговаривает его: «Заводи аквашку! Главным консультантом буду! Бесплатно!» У Ромки, конечно, слюни текут, но мозги еще варят – такое дело ему не осилить. Как-то крысу завел, так горя хватил! Нет, он к Барабану будет ходить и любоваться рыбками.

А еще у Барабана есть мечта: хочет заняться разведением рыбок. Книжек накупил разных. И вообще, последнее время он своих питомцев называет только научными именами. Ромка сначала не врубился, что он такое выдает. А теперь даже запомнил своими квадратными мозгами, что золотая рыбка по-научному – *Carassius auratus*. Сомик – *Corydoras*. У скалярии и циклохемы такие названия, что на голодный желудок не произнести.

Барабан хочет и Тумагана свозить на Птичий рынок, чтоб посмотрел на это чудо. Обязательно смотаемся.

Короче, серьезное дело задумал Барабан. А вот Хруст решил тараканов разводить – накупил всяких, а те никак не желают размножаться. Мать чуть его из дома не прогнала вместе с этими страшилами. Соседка пришла, села на кухне поговорить с матерью за жизнь, а тут таракан какой-то особо ценной породы, чуть не с палец размером, как сиганет со стены ей на грудь. Она и бульк! Чуть нашатыркой раздышали. Уже «Скорую» хотели вызывать. На них, и правда, противно смотреть, не то что разводить. А Хруст от этих гадов прямо балдеет. Но мать категорически настояла: ликвидировать! Или она сама из дома уйдет. И конечно, отец резко выступил, когда таракан занырнул к нему в тарелку со щами. Куда-то пристроил Хруст своих страшилищ. Но никому ни слова. Нет, так просто он не расстанется с ними – придумал что-то.

И вот Ромка, значит, ширк-ширк домой, перед глазами сомики и золотые рыбки хвостами играют. Задумался и не заметил, как проскочил свой переулочек. И пришлось на большую дорогу выйти, где не любил ходить. Там шибко говнистые пацаны тусуются. Крутые! Корчат из себя националистов или скинов – не понять. Что-то много их развелось в последнее время. Даже

по улицам марши устраивают со знаменами. Вроде решили навести порядок в столице. Все в черном, коротко стрижены, а то и совсем побриты. Короче, валите все от нас, не то зашибем насмерть!

Уже почти дошел до своего поворота, вот и газетный киоск. И вдруг увидел четырех пацанов сопливых, но уже все в черном. Они молотили ну совсем малыша. Тот, как тряпичная кукла, летал от одного к другому. Голова болталась во все стороны.

– Пацаны, вы чего?! – Ромка приостановился. – Вы из него уже жмурика сделали!

– Еще не совсем! – хохотнул пучеглазый, что стоял поближе. – Еще, кажись, дышит!
Будет знать, как приваливать к нам в Москву! Пусть к себе валит!

– За кордон! – заорали скины хором и еще резче стали глушить кулаками малыша. – Москва только наш город! Только наш! Законный!

– Тормози! – закричал Ромка.

Он умел толковать с такими. Взмахнул своим костылем – и пучеглазый пацан с воплем, как подкошенный, шмякнулся на асфальт.

Бритые разом повернулись к Ромке. Зенки выпучили, ничего не понимают. Потом уставились на своего дружка, который скулил, катаясь по асфальту, как кутёнок, – костыль сделал свое дело. Черепухи, конечно, не ожидали такого цирка – рты шире варежки. Переглянулись и поперли на Ромку.

– Ты чего себе позволяешь, гад! – хрипанул кто-то из них. – Мы ж сейчас из тебя!.. Мы размажем тебя!

– Попробуйте, гниды! – Ромка отступил, чтоб размахнуться костылем еще разок.

Не успел – на голову что-то обрушилось, и все погрузилось в сплошной мрак. Больше он уже ничего не помнил.

Ромка очнулся и какое-то время не мог понять, что произошло с ним, где находится. Покрутил головой – налита тяжестью, и нет сил даже приоткрыть глаза. Разлепил с трудом...

Чья-то тень маячит перед ним. Почувствовал на спекшихся губах что-то мокрое.

– Это вода, – будто сквозь слой ваты, услышал чей-то голос.

Рот наполнился прохладной водой, Ромка медленно проглотил ее.

Глаза привыкли к полумраку. Чье-то незнакомое лицо перед ним и синяя куртка. Расплывается всё.

– Где... где я? – с усилием выдавил из себя Ромка. Губы почему-то не слушались, словно были чужими.

– Тут, рядом... – Голос очень тихий. – Я тебя притащил сюда.

Вспомнил разъяренные лица пацанов в черном. И как получил по котелку – не заметил, кто сзади подкрался. Еще вспомнил синюю куртку! Малыш был в ней! Значит, это он. Мальчишка был чернявый, худой. Он что-то говорил. Ромка заставил себя вслушаться.

– Скины начали тебя бить, но тут сирена – полиция. Они сразу бегом! И утащили с собой дружка, которого ты уложил. А полиция мимо проехала и нас даже не заметила. Я сразу поволок тебя за угол. Ты тяжелый такой... Я боялся, что скины могут вернуться...

– А я думал, тебе уже хана. Башка туда-сюда...

– Нет, не хана. Отец научил меня расслабляться, когда бьют. А как у тебя голова? Тот крепко врезал дубинкой.

– Кружится...

Ромка пощупал черепок. Кепарик на месте. Погладил шишкарь. Когда-то ради хохмы он зашил его под подкладку. Шишкарь из цветного поролонки сделан. И врезали точно по нему.

Сделал еще пару глотков. Уже совсем в норме.

– Сейчас проверю, чтоб не напороться. – Малыш исчез и тут же появился. – Нет никого! Можно идти!

– Где моя палка? – Ромка завертел головой.

– Здесь она! Держи! – Новый знакомый протянул Ромке костыль. – А почему она такая тяжелая?

– Потому... – Ромка с трудом поднялся, опираясь на костыль. Пошатывало. Это ничего, это пройдет. Главное, черепок цел. – Это у меня особая палочка. На все случаи жизни палочка-выручалочка! Видал, как срубил бритого?

– Классно ты его!

Вышли из укрытия.

– Я тут совсем рядом живу. – Ромка постукивал костылем по асфальту. – А ты где?

– Я далеко от Москвы живу... Я приезжий.
– Это я уже понял. И куда ты сейчас пошуруешь?
– Рядом с метро нашел одну щель и ночлег устроил. Пока.
– Как это – пока? – Ромка даже остановился.
– Ну, где можно спрятаться, переждать. И спокойно поспать.
– Значит, ты спишь там? А шнурки твои где?
– Какие шнурки?
– Ну предки... родители твои, короче.
– Они там... – Пацан махнул рукой куда-то. – На родине остались. Я один тут. Никого здесь у меня нет.
– А как ты здесь оказался?
– С рабочими приехал. Они сюда приезжают деньги зарабатывать. У нас там с работой совсем плохо. И мало платят. Но я не работать приехал, я от них сразу ушел. Я должен поступить в институт.
– В институт?! – Ромке показалось, что он ослышался.
– Ну да, в институт. Аттестат у меня есть.
– Ну, заливай! А сколько тебе лет?
– Четырнадцать. Просто я школу раньше закончил. Год за два сдавал экзамены. И получил хороший аттестат. А вот паспорта у меня нет. Только справка. Решил зайти в один институт – так даже в дверь не пустили. Прогнали. «Гуляй! – говорят! – Не мешайся тут!»
– Это у нас запросто. И с паспортом прогонят. Как тебя зовут?
– Тумаган.
– Не понял? Ту...
– Ту-ма-ган. Фамилия Тухтаев.
– Уловил. Тумаган! Клёвое имечко! А я, значит, Ромка Зеленский.
Дальше шагали молча. Поскрипывает протез у Ромки, костыль постукивает – цок-цок... Голова не кружилась почти. Остановились.
– Я здесь живу. На шестом этаже моя пещера. Значит, решим так... – Ромка еще раз окинул взглядом своего нового знакомого. Ну совсем доходяга! Морда в крови! – Тумаган, значит. А мне нравится твое имя!
– По-нашему, это имя означает «птица, летящая над пустыней». Дедушка так назвал меня.
– Птица, летящая над пустыней! Здорово! А я Роман. Бабушка назвала меня так. На греческом языке означает «крепкий».
– Я это знаю. У моего отца есть книга, посвященная именам.
– Один немец к дяде Сереге в гости из Германии приезжает, у него фамилия – о-о-о! – не помню, как по-ихнему, язык сломаешь! Но означает – «коготь, царапающий сердце». Во! Ладно, о немцах потом. Тебе, птица, надо сейчас обмыть клюв и заправиться горячим чайком для дальнейшего полёта над пустыней. Короче, шуруем ко мне в пещеру. Айда! Три-четыре!
– Обожди. Ты же меня совсем не знаешь...
– Все знаю! Тумаган, – улыбнулся Ромка, – прямиком из пустыни сюда прилетел! С аттестатом в клюве! Ха! Но без паспорта. Айда!
– Но твои родители ничего не знают! Так же нельзя!
– Можно. А родители... – Ромка усмехнулся. – Они поймут.
Лифт летел с космической скоростью. Это так Тумагану показалось: он еще ни разу в жизни не ездил в лифте.
Стало страшно, вся спина облилась потом, а сердце заколотилось сильно-сильно. Ему подумалось, что эта кабина, в которой они летят куда-то вверх, уже никогда не остановится. Он даже дышать перестал и прикрыл глаза, прилепился спиной к стенке.

А лифт, как обычно, подергиваясь, со скрипом, тащился на шестой этаж. Ромке даже иногда казалось, что у него силы закончились. Наконец замер, тряхнулся, словно тонну картошки приволок наверх. Со скрежетом расплзлись дверцы.

– Космический корабль прибыл на космодром! Высаживаемся!

Тумаган выскочил следом за Ромкой.

Вот так и оказался Тумаган в квартире номер 168, где проживает раздолбай Ромка Зеленский; если еще точнее – здесь пещера Кульпяпки.

Тумаган был потрясен: никогда наяву не видел такой шикарной ванной комнаты, только по телевизору; никогда не блаженствовал под таким потоком горячей воды, что, шипя, извергалась из сияющих кранов. Он даже боялся дотрагиваться до них.

Потом на кухне пили крепкий чай. Нет, конечно, сначала Ромка накормил Тумагана макаронами и разной снедью, которая находилась в холодильнике. Словечко «снедь» ужасно нравится Ромке. Это Циркуль обожает употреблять разные выражения, которые сейчас многие даже не знают. Ромка удивился, услышав впервые такое чудное слово. Ну а Циркуль улыбнулся: «Сударь, вам надлежит взглянуть на верхнюю полку вашего замечательного книжного шкафа. Там в позолоченных переплетах стоит „Толковый словарь живого великорусского языка“! Год издания – 1882-й. Автор – Даль Владимир Иванович. Замечательный человек, друг Пушкина. Надеюсь, вы слышали о нем. И уж извольте выделить несколько минут в своей бурлящей жизни и откройте хотя бы несколько страниц этих книг...» Циркуль любит иногда выразиться так заковыристо.

Взглянул и открыл. Потрясно! Оказывается, этот Даль всю жизнь собирал по всей России разные слова и словечки и записывал их.

Тумаган знает про этот словарь. У них дома в шкафу стоят такие же четыре красивых тома. Точь-в-точь. Мать Тумагана преподает в школе русский язык и литературу. Вот поэтому Тумаган так классно говорит по-русски. А в классе у Ромки многие не могут связать двух слов нормально, без матюгов.

Короче, они с Тумаганом крепко обосновались на кухне. Тумаган в красках рассказывал, как здорово перетрусил в лифте. Они от души поохотали над этим. А потом еще пуще оторвались! Тумаган вдруг увидел, что сидит в одних зеленых трусах, которые выдал ему Ромка, – все его шмотье отмокает в тазу с водой. Он взвыл жутким, нечеловеческим голосом и, вылетев из-за стола, рванулся в ванную. Ромка, конечно, ничего не понял, поскакал за ним следом.

Из глаз Тумагана даже брызнули радостные слезы: джинсы, не поместившиеся в таз, как миленькие лежали на полу. Дрожащими руками он стал извлекать из тайных карманов, вшитых матерью, разные бумажки, пакетики и все это раскладывал прямо на полу ванной. Постепенно он успокоился, руки уже перестали дрожать.

– О-го-го, ты же настоящий миллионер! – орал Ромка, наблюдая, как Тумаган нежно разглаживает спасенные от воды деньги. – На такое бабло можно раскрутить большое дело! Заводик отхватить! Или нефтяную трубу, как у Абрамовича! И прогремишь на всю Европу! И еще можно купить футбольную команду! И даже на жвачку останется!

Ромка, конечно, шутил: на полу лежало всего-то несколько сплюсненных кучек – пропитанных потом бумажек по сто рублей.

– Отец целый год собирал их, – сказал Тумаган. – Больше не смог. Он хоть и директор школы, а зарплата маленькая. Учителям иногда месяцами совсем ничего не платили. И потому у всех огороды. И еще овечек держим. Без овечек и огорода совсем нельзя жить. А вот мой главный документ. – Тумаган достал из большого целлофанового пакета плотный лист бумаги, осторожно расправил его на полу. – Это мой самый главный документ!

– «Аттестат зрелости, – прочел Ромка с выражением. – Выдан Тухтаеву Тумагану Медрабовичу об окончании средней школы в селе Акын-Калка...» – Он пробежал глазами по оцен-

кам. – Слушай, так тут по всем предметам одни «пятаки»! У тебя, значит, и медаль есть! Вытаскивай, куда заныкал? В какой карман зашил?

– У нас в школах никому не выдают медалей. Они там не нужны.

– Ну и наплевать! Есть аттестат! И вон какой – закачаться можно! Но, наверно, у тебя будет это самое... проверочка! Вопросыки станут задавать разные: как да что и почему? Сколько дважды три и что такое теорема Пифагора? Короче, захотят разобраться, что у тебя за котелок!

– Пусть разбираются. Только вопросыки бывают тоже разные. Можно задать такие, когда любой ответ может оказаться неверным и даже сами экзаменаторы не смогут на них ответить. Или они совсем не станут возиться и задавать вопросыки, сразу вычеркнут фамилию. Это место должен занять другой. Уже заранее было решено.

– Откуда ты все это знаешь?

– Телек смотрел. У нас дома совсем древний телек – папа его ремонтирует-ремонтирует... По нему показывали, как прямо в метро продают аттестаты и разные дипломы. Я это сам видел. Можно и не учиться, а инженером или доктором будешь – так, значит, получается?!

– Это жуть! И дешевая гниль! Дядя Серега про такое говорит: «Нарушение равновесия в природе и в мозгах!»

– Точно называет! Это настоящее нарушение равновесия. Мой отец в Москве учился, на физтехе, которым руководил великий ученый Сергей Петрович Капица. Отец поступил на физтех, никого не зная в Москве. Он сюда с другом приехал. А тот сдал экзамены в педагогический институт. Потом их оставляли в аспирантуре, но они уехали в свое родное село, стали работать в родной школе и сделали ее показательной на всю республику. А потом началось такое... Отец говорит: «Пришло время шакалов». Школы стали закрывать, учителей увольнять. Папин друг умер... А кем работает твой отец? Начальник? Я видел такую большую квартиру только по телеку.

– Эта квартира моего дедушки, он был академиком. Медициной занимался. И отец – медициной... Они микробы изучали. Отец по всему миру ездил, чтоб поближе познакомиться с разными гадами. Последний раз в Индию поехал и там заразился. Вернулся оттуда и умер. А лекарств от той заразы и сейчас еще нет. Два его помощника тоже умерли. Я еще сопливым был, ничего не понимал... Ладно, об этом потом. Короче, к твоему делу мы срочно подключаем дядю Серегу. Он тоже профессор, как и мой отец. Только не по микробам. И Циркуля обязательно привлечем.

Ромка прикрыл глаза – прокрутил в памяти, как рассказывал дяде Сереге про пацана, приехавшего учиться в Москву из далекой горной страны. И что этот пацан спас ему жизнь. У дяди Сереги, конечно, уши торчком. Он любит все необыкновенное и потому решил проверить, соответствует ли аттестат знаниям пацана, чтоб «сразу расставить точки над и», – это любимое выражение дяди Сереги. С тетей Катей и Циркулем они устроили Тумагану настоящий экзамен и гоняли его по всем предметам. Какие только вопросыки ему не подсовывали! К их великому удивлению, Тумаган ответил всё на «отлично». Нет, Ромка на такие подвиги не способен. И вот теперь дядя Серега с Циркулем собирают необходимые документы Тумагану, чтоб тот без всяких придиорок мог сдавать экзамены в институт.

В часах, что стоят напротив дивана, зашуршало – это пружины задвигались туда-сюда. Они точно живые, надо только не забывать раз в неделю подтягивать бронзовые гирьки на цепочках, и часики будут тикать и тикать, тикать и тикать.

Скосил глаза на ажурные стрелки: они показывали, что можно еще немного покайфовать. Тик-так... Так-тик... Под это тиканье хорошо расслабуху давить и думать о чем-нибудь хорошем.

А ведь ты, Культяпка, чуть не лопухнулся с этими часиками!

Ромка однажды вдруг увидел, что Алиса Петровна, возникшая, как всегда, неизвестно откуда, как-то по-особому пристально разглядывает часики. И даже вытерла с них пыль тряпчочкой. Раньше такого внимания никогда не отмечалось, носом даже не крутила в их сторону.

Часики эти стояли в кабинете дедушки. Ромка совсем не помнит дедушку. Потом эта комната стала кабинетом отца. Отец брал Ромку на руки, и они вместе открывали переднюю дверцу часов – как бы входили в красивый домик, где крутились разные колесики. Потом осторожно тащили цепочки с блестящими гирьками вверх. Ромка очень гордился, что отец позволяет ему заводить часы.

Короче, Ромке не понравилось такое внимание Алисы Петровны к часам. Заскребло внутри что-то. И тут сразу вспомнил, как незаметно исчез красивый фарфоровый сервиз. Ромка ни черта не понимал в посуде, но знал, что бабушка очень дорожила тем сервизом, только по большим праздникам доставала. Дедушка привез его из самого Китая.

Испарился сервиз вскоре после смерти бабушки. И тогда он Алисе ничего не сказал, хотя сразу понял, что это ее рук дело. И дяде Сереге не сказал – чувствовал, что будет большой скандал. Ну а раз тогда обошлось без всякого шума, то Алиса, значит, решила, что можно Ромку за нос водить. Этот культяпый все стерпит!

И Ромка задумался насчет часов. Ни у кого из друзей нет таких необыкновенных старинных часов – в музее только. Вот так лежал он на этой подушечке, крутил мозгами налево-направо, и созрело решение, как спасти часы.

На следующий день прямо после уроков привел свою боевую компашку домой. Барабан и Хруст раскусили идею Ромки и сразу поддержали его – перекрыть кислород! Не дать исчезнуть часам!

Повозились порядком. Часы оказались тяжеленные! Не могли даже сначала сдвинуть с места, но все-таки перетащили их из кабинета отца к Ромке.

Возникла Алиса Петровна поздно вечером. Веселенькая! Романсы распевает! Цок-цок каблучками по комнатам. И конечно, сунула носик в кабинет. И визгу сразу, ножками затопала: «Как ты посмел! Негодник! Издеваешься над матерью! Бессовестный!»

Вот тут Ромка и не выдержал. Обычно отшучивался или вообще молчал, а тут... От страшной обиды за отца, за бабуку и деда напал на него самый настоящий штормяга, прямо трясти начало. Короче, орал как бешеный. И все тут высказал примадонне.

Бабушка и дядя Серега никогда особо не обсуждали с Ромкой жизнь Алисы. Ее имя было окружено молчанием. Ну нет и нет ее дома, – значит, дела неотложные у артисточки. Появится раз в три месяца, как красное солнышко, и уже хорошо. Но однажды Ромка услышал такое! Нет, он не подслушивал! Между дядей Серегой и бабушкой происходил серьезный разговор на кухне. И Ромка понял из того разговора, что Алиса бросила его еще в родильном доме. Нежное сердечко Алисы не выдержало: она страшно перепугалась, когда увидела, что Ромка родился с уродливой ногой, и рванула из роддома прямо ночью. Отец остался один с новорожденным сыном на руках. И еще была бабушка, вся больная. Конечно, помогали, как могли, дядя Серега и его жена, тетя Катя. Ну а вскоре появилась в доме сама Алиса, и вела она себя как ни в чем не бывало. Только к Ромке относилась совершенно безразлично. Отец никогда ничего не говорил Алисе. Он ей все прощал. Он очень ее любил. Ну а та временами продолжала исчезать. То снималась в каком-то фильме, то уезжала на гастроли – она же актриса! Она не позволяла себе погрязнуть в быту, в ее жизни главное – театр, кино, и уж тут не вставляйте на ее пути – расшибет вдребезги хоть кого!

Тогда же Ромка узнал, что после смерти отца Алиса, оказывается, начинала качать права бабушке и дяде береге, что она как законная мать Ромки имеет полные права на эту квартиру. Но тут дядя Серега четко «расставил все точки над и». Уже позже он и Ромке растолковал, кому принадлежит квартира и прочее, прочее...

Бабушка пережила отца на несколько лет, в седьмой класс Ромка перешел, когда она умерла. Ну а у Алисы Петровны репертуар был обычный: то появлялась, то опять исчезала куда-то. Ромка к этому уже так привык, что поведение матери его совсем не трогало, – он научился жить один. Конечно, не совсем один: дядя Серега и тетя Катя и смешливые двоюродные сестренки Даша плюс Тася – все они готовы примчаться сюда в любой момент.

Вот и не выдержал Ромка и все-все выложил Алисе Петровне. Он терпеть не мог, когда та начинала вдруг объявлять, что является в этом доме не кем-нибудь, а хозяйкой, а ему – матерью родной. «Мамуля! Ах ты, моя мамулечка!» И тут он высказал ей, какая она «мамуля»! Вспомнил даже про директора школы, что тот очень желает с ней познакомиться, чтобы понять, как она воспитывает Ромку. И даже про прокурора наплел – уже от злости! – что напишет заявление, как Алиса Петровна распродает вещи, совсем не принадлежащие ей. И делает это втихаря! И тут напомнил ей, как стырила китайский сервиз.

Алиса сначала пыталась что-то возразить, но вскоре замолчала и даже заплакала. Она же трусиха – это Ромка давно понял. Но самое главное, она прекрасно понимала, что Ромка во всем прав.

И вот как раз тогда вечером затрещал звонок в прихожей. Ромка поскакал открывать дверь: Барабан с Хрустом обещали заскочить. В дверях стоял совершенно незнакомый старикан, очень важный. На животе из карманчика жилетки свисала золотая цепочка; седая борода лопатой, где каждый волосок расчесан, и лицо белое-белое. Ну прямо с картины прошлого века. У Ромки в шкафу есть такие альбомы художников.

Короче, перед Ромкой возник в двери портрет из Третьяковки. Только рама не позолоченная: косяки в двери сильно обшарпаны. И «портрет» глазами поблескивает, моргает – живой то есть.

– Прошу извинить за вторжение в ваш дом. Алиса Петровна просила меня подойти к этому часу. Я мог бы увидеть ее?

– Можете-можете, – сказал Ромка. Он почему-то сразу подумал, что этот старикан с цепочкой на животе пришлепал к Алисе не просто так. Такие животы просто так не ходят. – Проходите, проходите!

– Премного благодарен. – Старикан пошагал за Ромкой.

И уже Алиса Петровна выпорхнула навстречу. На лице, конечно, никаких следов от слез, которые она так бурно проливали только что. Артистка! Прямо народная! Настоящая и заслуженная!

– Ах, дорогой Аристарх Петрович, я должна извиниться перед вами, я не совсем... – зашебетала она быстро-быстро. – У нас тут произошла небольшая за-миночка... Все упирается, видите ли...

– Да-да, так бывает. – Старикашка достал из кармана трубку и сунул ее себе в золотые зубы, будто бы закурил. Говорил он медленно и в то же время рассматривал квартиру, а трубку нежно так поглаживал тонкими белыми пальцами. – И еще даже поинтереснее бывает... У меня к вам, дорогая Алиса Петровна, никаких претензий... Что вы, что вы... – И повернулся к Ромке, как-то сразу определив, что все дело в нем, что из-за него вышла эта самая неувязочка. – Надеюсь, вы не откажете старому человеку в небольшой просьбе – взглянуть на ваши напольные часы?

Аристарх Петрович выглядел вполне приличным господином. Ромке он даже понравился: во-первых, в нем не чувствовалось вранья, которым выше ушей переполнена Алиса, во-вторых, тот сразу раскусил ее, поняв, кто настоящий хозяин часов.

– Прошу, сударь! – Ромка распахнул дверь в свою пещеру – это Циркуль научил его таким правилам поведения.

Старикан величаво вошел в комнату и... замер. Ромке даже показалось, что он слегка застонал. Его длинная жилистая шея, торчавшая из белоснежного воротничка, покрылась красными пятнами, такие же пятна появились на его бледных щеках.

– Я присяду с вашего разрешения...

Старикан тяжело опустился в кресло. Достал носовой платок зеленого цвета, стал обтирать шею, лоб, лицо. Про трубку, что торчала во рту, он, кажется, забыл. Сидел молча, не отрывая глаз от циферблата. Вот приподнялся с кресла и осторожно, бочком приблизился к часам. Он их ласкал длинными белыми пальцами, прислушивался, затаив дыхание, к равномерному тиканью. Нежно трогал рукой гирилки, цепочки, гладил почерневшее от времени дерево футляра. Потом повернулся к Ромке, вынул трубку изо рта и сунул ее в карман пиджака.

– Я благодарен вам, что показали их мне, не отказали. Часы ваши на самом деле великолепны! Я даже не думал... Да-да... И так хорошо сохранились! Я вам, молодой человек, бесконечно завидую... белой завистью! Да-с!

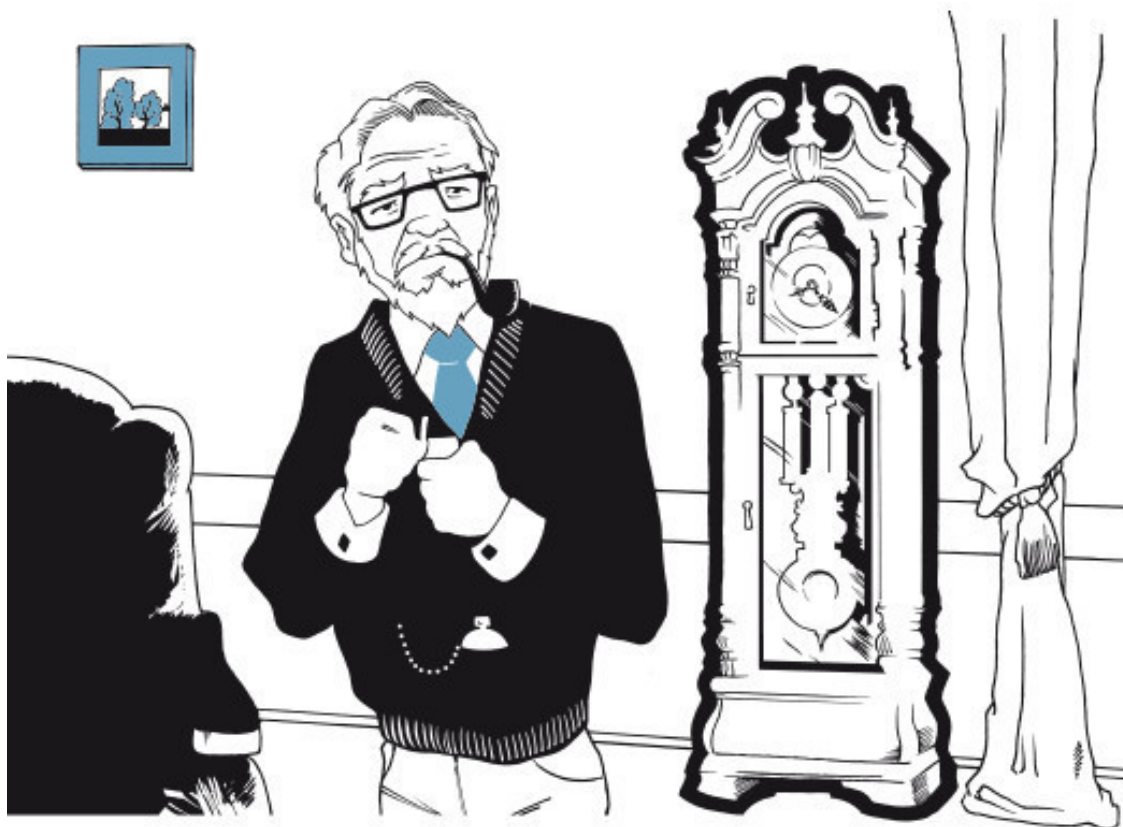
Выходя из комнаты, он резко остановился возле книжного шкафа. Подошел ближе и впился глазами в книги.

Ромка с Хрустом перетащили их сюда из отцовского кабинета. Ромка помнил, как отец дорожил этими книгами. Он любил рассказывать, с каким трудом они с дедом доставали старинные издания. Они были разные: с обложками, покрытыми золотым тиснением, и невзрачные, обклеенные материей. Циркуль, когда видел эти книги, с трепетом вдыхал их запах и мог читать всю ночь напролет.

– И здесь у вас тоже нечто бесценное! Только у настоящих библиофилов могли быть собраны такие редкие издания. – Старикан с глубоким вздохом развел руками, снова вытер платком вспотевшее лицо. – Потрясающе!.. Нет слов!.. А вы, молодой человек, знаете, что означает слово «библиофил»?

– Догадываюсь. Я сообразительный.

– Я в этом и не сомневался...

Старикан раскланялся и исчез. После него даже запах приятный остался, не то что после некоторых нечесанных подружек актрисули.

Алиса Петровна на кухне глотала холодный чай. Согреть чайник – целая проблема для нее. А Ромка, видите ли, не догадался. И Циркуль отсутствует, где-то носится со своим фотоаппаратом.

Ромка присел возле окна. Ждал, когда принцесса на горошине соизволит испариться из кухни, – надо посуду помыть. И еще кое-что надо сделать полезное по хозяйству.

Она жевала печенье с брезгливым выражением, точно тараканов сушеных ей подсунули. А печенье, между прочим, очень даже ничего – Циркуль приволок. Он плохое не покупает. Жевала и, глядя куда-то перед собой туманным взглядом, жаловалась на невозможно тяжкую жизнь. Как все ее, Алисочку разнесчастную, обманывают, как обижают друзья (она их называла, конечно, несколько иначе: ничтожностями и барахольщиками, лохами грязными и подлыми, козлами вонючими, скотами тупыми и еще разными словами, которые учителя не рекомендуют употреблять в домашних сочинениях). И она все это произносила очень даже красиво. На то она и великая актриса. Но как лижется со всеми этими «козлами» и «скотами», как бывает ласкова и обходительна, когда те шумной оравой вваливаются сюда, чтобы «оторваться от серого быта»! Стол заполнялся бутылками вина, водяры, пива и разной закуской. Само собой, подметали всё из холодильника, что можно было жевать и глотать. После таких «отрывов» пока еще не признанные гении экрана и сцены как-то враз, дружно исчезали, будто корова языком их слизывала. Оставались только груды немытой посуды, затоптанные полы и загаженные туалет и ванная, куда входить было опасно для жизни.

Ромка, будучи человеком мягким и весьма воспитанным, как считает Циркуль, долго относился к такому свинячеству спокойно. Он врубал на всю катушку Высоцкого или какой-нибудь рок и под музыку приводил квартиру в порядок: терпеть не мог грязи. Бабушка приучила его. Но однажды резко тормознул у унитаза, обделанного «великими», и крепко задум-

мался: во имя чего он, Ромка Зеленый, должен в своем доме убирать чужое дерьмо?! И этот вопросик вдруг как-то неожиданно ярко повис перед его глазами. И он решил: «Надо пошевелить мозгами. Слегка хотя бы!» И нашевелил.

Сел за компьютер, и бодренько так, опять же под звуки песен Высоцкого, сама собой сочинилась «Инструкция по поведению благородных господ, посещающих квартиру номер 168». В ней самыми простыми словами, но крупными буквами были обозначены главные моменты поведения господ актеров.

Повесил «Инструкцию...» на кухне, на самом видном месте, и в туалете, когда к унитазу подползут, чтоб любой очкарик мог уткнуться в нее носом и детально вникнуть, расчихать, так сказать.

Алиса почти сразу увидела «Инструкцию...» и стала читать громко, с выражением. А потом так обхохоталась, что даже выступили слёзы на глазках и тушь потекла грязными ручейками.

– Это бесподобно, мой дружок! – наконец произнесла она и стала пудрить покрасневший носик. – Это будет такая хохма! Все от смеха полопаются вдоль и поперек!

– Мадам, а вы зря так несерьезно отнеслись к «Инструкции...». Это просто напоминание приличным людям, если, конечно, они себя считают таковыми, что явились они не в хлев, а в порядочный дом. Или у вас есть другое мнение о жителях квартиры номер сто шестьдесят восемь?

Алиса округлила глаза и, кажется, хотела что-то вякнуть.

– И прошу обратить особое внимание на сноску внизу!

Алиса прочитала вслух:

– «Дверь будет заперта, ключ в кармане хозяина. Гости уходят, когда все убрано».

Наступила пауза. Чисто театральная пауза. Алиса обожает их. После такой паузы, как объясняет она, можно обрушить на зрителя (и на Ромку в том числе) что-то грандиозное, потрясное. Чтоб все вздрогнули. Чтоб до самых кишок всех пробрало.

Забегала вокруг стола, цокая каблукками. Это она сил набиралась. Драйва, как сейчас говорят. Потом резко так остановилась и взвизгнула.

– Кто тебя этому научил?! – Алиса подпрыгнула, точно ужаленная осой в одно место, затопала ножками, которыми она так гордилась и при всяком удобном случае демонстрировала их публике. – Затея твоего старпера дядюшки, да?! Этого лысого сморчка! Он же просто ненавидит меня и всех-всех, кто ко мне приходит!

– Вы, мадам, глубоко ошибаетесь. Во-первых, дядя Серега далеко не старпер и не сморчок и любому вашему актеришке, будь тот хоть семь раз Гамлет или Городничий из «Ревизора», одной левой утрет соплю и выкинет с шестого этажа. Во-вторых, дядя Серега не имеет никакого отношения к этой «Инструкции...». Он даже еще не видел ее! Он будет потрясен и обрадован моим творчеством! Это лично мое произведение. Потому что грязь за вами прибираю я – Ромка Зеленый, по кличке Культяпка. И вот он торчит перед вами, мадам! Я нарисовал эту «Инструкцию...»! В мозгах у меня раз! – и сработало. И сочинил! Короче, каждый убирал сам за собой. Или вы, мадам, считаете, что в этом доме предписано убирать чужое дерьмо Культяпке?! А-а, я понял: конечно, вы поможете Культяпке в этом святом деле! Своими нежными ручками помоеете разок-другой блевоту за одним, другим...

– Ромочка, зачем ты так?! Но это же невозможно, Ромочка! – произнесла она хорошо поставленным голосом, хлопая длинными ресницами, точно бабочка цветными крыльшками, которую сцапали и не отпускают. – Неужели ты этого не понимаешь?! О боже! Нет, кажется, ты ничего не понимаешь... Они же мои гости! Мои друзья! Люди искусства! Мы играем, мучаемся, страдаем! Что они подумают обо мне?!

– Плохо подумать о вас, Алиса Петровна, они просто не имеют права, если не полные дубари. Разве люди искусства не знают, что нельзя писать и поносить мимо унитаза и исполь-

звать полотенце для подтирки блевотины? Что за такие поступки даже тупых дебилов шлепают по губам? Слуг в доме нет. И потому все очень просто: вода, мыло, тряпка, швабра – пожалуйста! И вперед! Как там в песне...

– Пе... перестань! Ты... ты не по-по-посмеешь! – Она от ярости даже начала заикаться. – Я сорву эту гадость! Сейчас же! И выброшу!

– Пожалуйста. Но я повешу опять. Эта «Инструкция...» будет здесь висеть всегда, Алиса Петровна. А твои друзья отсюда не выйдут, пока я не увижу, что всё в полном ажуре. И тогда я им для поддержки духа даже включу великого Луи Армстронга и открою дверь: «Вопросов у меня к вам нет, господа артисты!» А у тебя еще есть вопросы?

Последовало молчание.

А господа актеры и не возражали прибираться за собой, когда снова появились в доме. Даже хохмили: мол, такую «Инструкцию...» нужно издать для широкого пользования – будет иметь громадный успех.

Алиса закурила и начала жаловаться на свое полное безденежье, что ужасно мало платят в театре, а на студиях вообще за спасибо вкальвают. В телесериалы не прорваться – там все схвачено по страшному блату. И у нее не жизнь, а сплошное страдание, не видно никакого просвета в этом безрадостном и несчастном существовании...

Ромка слушает молча. И смотрит на нее.

Шикарный прикид, ухоженные, не знающие никакой работы ручки с наращенными ногтями-ногтями. А сколько золотых колечек на этих пальчиках! Откуда у вас все это, мадам? Такие тупые вопросики задавать – зряшное дело. Великая актриса может оскорбиться. Ну а даже дебилу Ромке известно откуда – не от верблюда! Из Циркуля она все высасывает, как пиявка! А тот не может отказать ей ни в чем. Настоящего придурка сделала из него. Вот и отца водила так же за нос, хлопая перед ним ресничками.

Тумаган взглянул на Рому: затих, дышит ровно. Наверно, заснул.

В кабинете отца он устроил настоящий спортзал: там разные тренажеры для мышц рук и ног, всякие пружины, гири. Рома занимается в спортклубе греблей на байдарке. А Тумаган видел байдарки только в спортивных новостях. Понравились. На его родной реке нет таких лодок.

Тумаган как бы услышал плеск воды и почувствовал запах костра... Каждую пойманную рыбешку ребята оборачивали травой и зарывали в горячую золу. Ждали, когда поджарится. Удочки стоят во дворе, может, поры-балит он еще...

Из дома уезжал глухой ночью, чтоб никто не видел. Отец тайком договорился с бригадиром, тот уже несколько раз отправлял людей на заработки в далекую Москву. Подкатил к дому грузовик, заполненный работягами, отец помог Тумагану забраться в кузов, и грузовик сразу поехал – Тумаган успел лишь оглянуться. Лицо матери залито слезами... Она махала ему рукой, махала...

То время, что Тумаган провел вместе с работягами, добираясь до Москвы, сейчас кажется ему чем-то совсем нереальным, словно все происходило вовсе не с ним или в дурном сне.

Грузовик привез их на вокзал. Долго ехали в переполненном вагоне. Женский голос громко произнес по радио: «Дорогие гости, приветствуем вас в городе Москве, столице...»

Шум толпы на перроне, грохот машин, гул улицы сразу оглушили. Каменные громады домов будто хотели раздавить его: «Ты чужой здесь! Зачем приперся?!» Чего только не происходило с ним за два месяца, пролетевших удивительно быстро. Многому научился. И все время старался не забывать слова отца: «Главное, нельзя терять самообладания! Ни в коем случае не впадать в уныние».

А унывать, конечно, было от чего: никак не получалось зацепиться хоть за что-то. Купил подробную карту Москвы. Старая карта, что дал отец, никуда не годилась: город давно стал

совсем другим. Подходил к нескольким институтам, но в дверь так и не решился заглянуть. Один раз уже прогнали – подумали, придурок какой-то лезет...

Выполнил наказ отца – передал письмо его другу Аналибу. Они учились в разных институтах, но Аналиб был родом из того же края. Отец получил диплом и сразу уехал на родину, Аналиб остался в аспирантуре, чтобы заниматься наукой. Часто переписывались. Сначала у Аналиба все было хорошо: преподавал в институте, защитил диссертацию... Но уже несколько лет от него не приходило вестей. Отец в своем письме обращался к другу с просьбой помочь Тумагану с учебой, если есть такая возможность.

Тумаган разыскал улицу, нужный дом. Долго стучал в дверь. Там ему назвали уже другую улицу и другой дом, где можно найти Аналиба Давлетовича, – туда он переехал.

Поехал по новому адресу. Там тоже долго звонил. Выглянула испуганная женщина и объяснила, что сейчас Аналиба нет дома, но работает он совсем недалеко, за углом. Там находился небольшой магазин «Фрукты – овощи».

Тумаган зашел внутрь. Пожилая женщина с сумкой, заполненной покупками, встретила его в дверях.

Тумаган любил рассматривать фотографии, которые отец привез из Москвы. Было много фотографий знаменитой выставки ВДНХ, где целый павильон занимала их республика. Отец часто бывал там с друзьями. Тумаган помнил их веселые лица. И почти везде на снимках рядом с отцом – высокий и красивый Аналиб. Отец говорил: «Мы все его звали – Мastroянни московского разлива! Такой весельчак!» В те годы были очень модными итальянские фильмы со знаменитыми актерами Софи Лорен и Марчелло Мastroянни.

Возле витрины с заморскими фруктами стоял совсем не знаменитый итальянский актер Мastroянни. Лысоватый сутулый мужчина, с серым, словно изжеванным лицом, с мешками под глазами, безразлично глянул на Тумагана черными, полными тоски глазами. По этим глазам Тумаган и понял, что перед ним друг отца.

– Здравствуйте, Аналиб Давлетович. Я к вам от Тухтаева Медраба. Я его сын...

Как же изменилось лицо Аналиба: засверкали глаза, заулыбался, восторженно замахал руками. И потащил Тумагана в закуток в глубине магазина. И все говорил, говорил, почти не слушая мальчика. Вспоминал старые времена: как они бродили по улицам ночной Москвы, как ходили на танцы, в театры, на разные выставки...

Потом замолчал, закусил губу, горестно покачал головой.

– Наш институт разогнали ко всем собачьим чертям. И кто куда... Я даже на родину не смог уехать. Чем только не занимался: надо кормить семью – двое детишек, жена больная... И подался в торговлю вместе с коллегой, тоже доктором наук. Были у нас кое-какие деньжата, и мы их пустили в дело. Но у коллеги сердце не выдержало: умер. И вот крутимся-вертимся вдвоем с сыном. Вроде даже получается. Иногда думаю: напишу письмо своему другу Медрабу. И никак... О чем писать? Что все рухнуло? У кого мозги варят, давно рванули в разные америки, германии. Там за мозги наших ученых платят хорошо – только работай! Меня тоже звали туда, но я уже выдохся... Так вот... Твой отец замечательный человек! Он мог быть большим ученым. Я очень уважаю Медраба. И всё-всё помню... Он огромную работу проводил на родине, в своей школе... – Аналиб Давлетович временами замолкал, потом снова говорил, говорил, вытирая слезы. – Я скучаю по родине... Но родной дом уже давно не снится. Отец умер – не смог даже поехать на похороны... Жизнь стала вокруг какая-то беспощадная. Вы там телевизор смотрите? А мы с женой не смотрим: страшно. Старые пластинки слушаем. Слушаем и плачем... Ты передай отцу, что был рад видеть тебя. Но понимаешь, я ничем не смогу помочь тебе с учебой. – Он замолчал, поднял на Тумагана глаза, полные слез. – Я выдохся. Ты же видишь... Может, тебе повезет... И помни, что Аналиб, друг твоего отца, живет здесь. Если будет совсем плохо, ты приходи, помогу, как сумею... Уж вместе как-нибудь не пропадем... Вместе всегда легче...

Вот такая встреча произошла у Тумагана. Отцу ничего не написал: тот запретил присылать домой письма. Какое-то время никто не должен знать, куда пропал Тумаган.

Потом он все-все расскажет отцу. И обязательно про квартиру номер 168. Про Рому, про ученого Сергея Федоровича, которого Рома зовет дядя Серега. И про хорошего человека Кирилла Николаевича. Рома зовет его Циркуль или Сэр. Иногда Кир.

Тумаган на мгновение задумался. О Сергее Федоровиче вроде понятно. Он брат отца Ромы, дядя. Екатерина Павловна, тетя Катя, – жена Сергея Федоровича. А насчет Кирилла Николаевича – полный туман. Кем он приходится Роме? Почему живет здесь? И еще есть какая-то Алиса... Алиса Петровна. Несколько раз слышал, как Рома произносил это имя. Кто она? Об отце Рома рассказал. А вот про мать – ни слова. Почему? Может, она и есть та самая Алиса Петровна?

Холодный озноб пробежал по спине Тумагана: все никак не мог забыть черные куртки, бритые черепа и злые улыбки на лицах пацанов, что вдруг возникли перед ним... Не успел убежать! «Попался! Сейчас мы из тебя компот сделаем!» Если бы не Рома, прибили бы, как собаку. Точно, убили бы.

Зажмурился покрепче, тряхнул головой, чтоб вытолкнуть из нее всякую дрянь. Взглянул на Рому – точно, заснул.

Но Ромка не спал. Приоткрыл один глаз.

– Не сплю, не сплю. Сейчас начну железом гремять, силу набирать.

– Кирилл Николаевич сказал, что баранину привезет.

– Ага-а! Вот ты и влип! Твой шашлык здорово зацепил Циркуля!

– А тебя?

– У меня уже слюнки текут! Сказал, когда вернется?

– Не сказал. Наверно, как всегда, поздно.

– Значит, когда солнце зайдет за горы. У вас, наверно, так говорят?

– Ага. А еще говорят: когда баран к воротам подойдет.

– У нас тут нет гор и нет баранов. Одни небоскребы и машины. Но когда-нибудь я увижу настоящие горы, не по телику! Хочу...

– Мы с тобой утром выйдем на наше крыльцо – и перед нами будут стоять горы, вершины в тумане... Я покажу нашу речку. Приедешь? Обещаешь?

– Обязательно приеду. У нашего Циркуля в воскресенье дел всегда выше головы. Он со своим фотоаппаратом где только не был: в Японии, во Франции, на Тибете у монахов. В шкафу, на второй полке, его альбом – достань! Там потрясные фотки! Монахи редко кого пускают к себе. А Циркуль нашел к ним подход. Он мне про них столько рассказывал! Они с тиграми умеют разговаривать!

И закрутилось-завертелось в квартире номер 168.

Тумаган забрался с ногами в кресло и стал изучать фотки. Ну а Ромка отбросил одеяло, вскочил и занялся железяками. Тренажеры достались ему от Васи Бажена. У них обоих почти одинаковые культяпки. Тот перед отбытием за бугор подарил ему весь набор своих железяк, разных ремней, пружин и хитрых заморочек для специальной разработки мышц рук, ног и прочего. Такие тренажеры не купить – уникальные. Все сделаны друзьями Бажена по его рисункам. Вася многим бизнесменам предлагал свои изобретения, на ура пошли бы для спортсменов и уж тем более для инвалидов. Но даже пальцем никто не пошевелил. А в Германии, куда Бажена пригласил большой любитель спортивной гребли, немец Франц Цугель, сразу ухватились за эти чертежи и вот-вот начнут выпускать тренажеры. Ну а самому Васе уже сделали специальный протез для культяпки. Франц Цугель надеется, что Вася получит золото на паралимпийских играх. А Ромка уверен в этом: Вася Важен был уже чемпионом мира по гребле на байдарках на соревнованиях среди инвалидов. Вот на него Ромка и держит равнение. И будет до пота, до крови тренироваться.

Ромка как-то очутился на канале и увидел гребцов на байдарках.

И так ему это дело понравилось! Но сам даже не мечтал сесть в лодку. Тут Важен и засек, что парень с него глаз не сводит, не пропускает ни одной его тренировки на воде.

– Пацан, шуруй сюда! – махнул он рукой Ромке. – Тебе нравится байдарка?

– Очень.

– Такая, как у меня, одиночка?

– Да.

– Хочешь попробовать погresti?

– А можно?

– Можно.

– А я разве смогу?

– Да это запросто! Весло в руки – и гребь.

Ромка не помнит, как влез в лодку, как разместил там свою культияпку. Взял в руки легкое, почти невесомое весло. Важен оттолкнул его от пирса. Ромка сделал сильный гребок – и чуть не перевернулся. Байдарка совсем не слушалась его!

Важен стоял у края пирса и хохотал.

– Ну как? Ты думал, что это очень просто?

– Ну да... – Ромка почему-то никак не мог справиться с веслом.

– Носом дыши! – продолжал смеяться Важен.

– Никак... – только и мог пробормотать Ромка. – Не могу...

– Обопрись веслом на воду! – резко скомандовал спортсмен. – Держи равновесие! Не шевелись, дыши носом! Но-сом! Спокойно дыши... Еще спокойнее. Хорошо. Теперь сделай гребок. Ну! Давай! Смелее! Чувствуешь байдарку? Вот так. Теперь поговори с ней. Она понимает, кто в нее сел, она как живая. Осторожно выдвини правую руку вперед...

Вот так и пошло-поехало. И Ромка окончательно и бесповоротно, как любит говорить дядя Серега, заболел байдаркой. А если точнее, греблей на одноместной байдаре...

Вася верит в Ромку. «У тебя, пацан, отличный гребок! Ты хорошо весло держишь. И должен работать над собой и работать. И будь уверен: придут победы!» – говорил он.

Циркуль был в спортклубе и смотрел, как Ромка работает на байдарке, – оценил вполне положительно. А он знает многих чемпионов, и по гребле тоже. И даже фотографировал их. Ромке привез из Швеции подарочек – спецсекундомер. Его крепят на лодке для контроля за скоростью. «Теперь ты знаешь, с кем бороться – с секундной стрелкой, ну и, конечно, с самим собой!» – так сказал Циркуль.

– А мы разве против?! Мы... поборемся! И без всяких соплей поборемся! – выкрикивал Ромка, скрипя пружинами, обливаясь потом и попеременно меняя руки.

Упражнения для плечевого пояса не дадут задремать. Каждую мышцу чувствуешь и слышишь, как она поет. Это Важен всегда так шутил. «Я, – говорил Важен, – с каждой своей мышцей ласково разговариваю, успокаиваю ее, когда надо. И они мне по-своему отвечают, даже поют, а то и криком кричат, когда уж слишком достаю их». И Ромка тоже учится разговаривать со своими мышцами.

Ромка отыскал в шкафу медицинскую энциклопедию, где все-все расписано про мышцы, связки, нервы. И теперь, прежде чем что-то делать на тренажере, трижды покрутит мозгами.

– Р-раз... Д-два... Р-раз... – Ромка слегка увеличивает нагрузку на мышцу под названием дельтовидная. Очень важнецкий мускул. А еще в плечевом поясе есть двуглавая мышца, или бицепс. Но главное для гребли – это мышцы спины. Он даже выучил на латинском языке названия всех самых важных мышц.

На тренажере повторяешь каждое движение по многу-многу раз. Автоматом. И пока мускулы трудятся, можно подумать о чем-нибудь.

И конечно, подумал о Циркуле. Тот притаранит жрачку и расскажет что-нибудь интересное. С ним всегда происходят такие истории, что закачаешься.

– Р-раз... Д-два... Р-раз... – Ромка чувствовал, как поют мышцы.

Сейчас Циркуль несся куда-то на древней «девятке». Когда у него увели вторую импортную тачку, он сказал: «Ша, ребята! Больше мы не работаем на бандюганов! Совсем оборзели! Обойдемся „девяткой“. И еще есть метро, где никогда не бывает пробок». Короче, больше у него тачку не уводят. И везде успевают. А крутиться ему надо будь здоров – фотограф! Его посылают, как он шутит, «в самые-самые горячие и самые-самые холодные точки нашего шарика». В Чечне чуть не грохнули, на Эльбрусе под снежную лавину попал, под Мурманском едва на морское дно не угодил...

Ромка хорошо помнит, как появился Циркуль в квартире номер 168.

Алиса исчезла на два месяца, если не больше. Ромка к этому явлению уже давно относился спокойно. Ему хватало общения с дядей Серегой, тетушкой Катей, с Дашей плюс Тася. Кореша Барабан и Хруст его не забывают. А тренировочки на канале в спортклубе! О-го-го! Там надо целиком отдаваться, без халтуры. Нагрузки те еще! И оттуда он просто приползает, иначе ничего не получится. Вася Важен сказал: «Если хочешь достичь в спорте хоть малого, о легкой житухе надо забыть. Особенно нам, культяпым».

Как-то вечером, когда давил подушку и слушал Высоцкого, в прихожей раздался звонок. И по звучанию его сразу понял: явилась не запылилась!

И конечно, в двери – Алиса Петровна. А следом прет мужик ростом с колокольню в хипповом клетчатом кепаике. И с двумя сумками – большая в руке, поменьше висит на плече.

Тогда Ромка еще не знал, что сумка поменьше называется кофр и в ней не зубная щетка с ночной пижамой и тапочками, а забита она разными фотоаппаратами, фотообъективами и другими примочками, без которых фотографу делать нечего.

– Ой, Ромочка, а у нас в доме пахнет чем-то вкусеньким! – Алиса повела по сторонам носиком, как будто сегодня утром они уже виделись. – Познакомься, Ромочка! Это мой очень хороший друг – Кирилл Николаевич. Он будет жить у нас.

– И как надолго задержится он?

– Ромочка, перестань! Кирилл Николаевич знаменитый фотограф.

– О-о-о, я вас понял! Алиса Петровна – бесплатная фотомодель!

Ромка мотанул к себе в «пещеру». На всяких «очень хороших друзей», прибывавших сюда с пышными букетами роз, с портфелями, чемоданами, ему глубоко наплевать. Испарялись они обычно через неделю-другую – больше не выдерживали. С Алисой Петровной не соскучишься!

Ромка продолжал жить своей обычной жизнью – школа, тренировки. Из графика тренировок его ничто не должно выбивать. Конечно, отметил, что «Инструкция...» выполняется от точки до точки, на остальное начхать. С Алисой почти не встречался. Когда наталкивались друг на друга, она тут же начинала лепетать, что не хочет умирать в одиночестве, и еще несла какую-то чушь. Все это он уже слышал много раз. И даже знал, из какой роли тот или иной монолог.

Но кое-что все-таки начинало удивлять. Заглянув в холодильник, он обнаружил, что тот забит до отказа жратвой, и очень приличной. Конечно, продуктами, что лежали в холодильнике, не пользовался. У Ромки там был свой, *личный* угол. И еще одно открытие сделал: гость взял на себя полностью готовку пищи. Алиса такой прозой всегда пренебрегала. Ну а другие, что возникали здесь порой, до таких подвигов, видимо, не успевали дозреть – сматывались!

С новым гостем Ромка почти не встречался. У него были длиннющие ноги пятидесятого размера. Точь-в-точь Циркуль. Так его и назвал.

Из комнаты, где проживали Циркуль и Алиса Петровна, никогда не доносилось ни шума, ни громких разговоров. За пару недель даже ни разу не грохнуло ничего на пол. Обычно к этому времени пребывания «гостя» по ночам вдруг начинали раздаваться крики и визги Алисы, громкое хлопанье дверей, всегда что-нибудь разбивалось.

И Ромка уже отметил: после такого звона-трезвона в квартире утром уже не было ни Алисы, ни гостя, только осколки на полу от тарелки или очередной вазы для цветов. Также об экс-пребывании «хорошего друга» напоминали забытые шлепанцы и зубная щетка. Зубные щетки Ромка безжалостно выбрасывал, а шлепанцы складывал в прихожей, где их накопилась уже приличная кучка. Они годились для сборищ «великих, но пока еще не признанных звезд кино и театра».

В конце третьей недели нахождения Циркуля в квартире Ромка, придя из школы, вдруг обнаружил, что в ванной и туалете полностью заменен кафель, и так классно сделано, что закачаешься. Плитка дорогушая – голубоватая с искорками. Ромка знает ей цену. Ведь он даже начал откладывать деньги на ремонт, но о такой дорогой и красивой даже не мог мечтать.

Вскоре возникла на кухне новенькая и симпатичная тумбочка. На ней красовалась деревянная шутовина, куда были вставлены несколько острых, сияющих сталью ножей.

Старая тумбочка, как бедная родственница, притулилась у стены, на нее, конечно, тошно смотреть: лет сто торчит на кухне.

Ромка начинал недоумевать: что за фокусы выкидывает Циркуль? Во имя чего? Удивить Алису? Ха! Так она эту тумбочку и кафель в упор не видит. Нет, тут что-то другое... Может, у него плоховато с жилой площадью и решил бросить якорь? Дядя Серега еще не был в курсе, что у Алисы возник такой необычный гость. Вот вернется из командировки и, конечно, растолкует Циркулю, что к чему.

Но обстановочка сама собой как-то неожиданно прояснилась. Ромка прилепал из школы, закинул в дальний угол дивана рюкзак с учебниками, чтоб глаза не мозолил, врубил новые записи знаменитой корейской группы No Brain, от которой все балдеют (Барабан дал послушать). И в кухню прямым ходом пошлепал – «заморить червячка», как говорила бабушка.

На кухне пусто и чисто. Ромка уже привык, что Циркуль четко соблюдает «Инструкцию...». Даже из пепельницы выбрасывает окурки после Алисы Петровны – сам не курит.

Эту пепельницу еще дед привез то ли из Китая, то ли из Японии. Морская раковина розового цвета сидит на мраморной подставке, сделанной в виде ладони. Дед и отец не курили, это уже Алиса стала использовать раковину по полной программе и всегда оставляла в ней вонючие чинарики.

Ромка сразу увидел, что под пепельницей белеет листок бумаги. Он не любитель совать нос в чужие тайны, но тут понял, что записка эта и к нему имеет отношение. Иначе зачем она будет так вызывающе торчать на кухонном столе.

«Кирилушка! Я ужасная, мерзкая, но ничего не могу с собой поделаться... Ты должен меня понять! Мои чувства к тебе иссякли, выдохлись. Мы должны расстаться, чтоб уже не мешать жить друг другу... Ты удивительно замечательный человек, Кирилушка, но сердцу не прикажешь... Прости меня и забудь, забудь... Мы не созданы друг для друга! Прости. Алиса».

Вот и врезали Циркулю по носу! А на что тот мог рассчитывать? Видимо, он был не в курсе, что у Алисы никто из «гостей» обычно не задерживался более двух недель. Сейчас и так уже явный перебор – почти месяц! Рекорд! Мировой! Бронзовая... нет, серебряная медаль!

Ромка с аппетитом навернул гречневую кашу. Достал из холодильника кусман сала – сам солил по рецепту тети Кати! С чувством умял кусочек. Еда у спортсмена должна быть простой и высококалорийной. И вкусной! Так учил его Важен. А что может быть вкуснее черного хлеба с соленым салыцем вприкуску?! А сверху чесночнику!

Ушел к себе и дверь в свою комнату закрыл покрепче, чтоб не слышать, как Циркуль будет сматывать удочки, когда приползет домой и ознакомится с уведомлением от великой актрисы.

Было уже довольно поздно, когда донесся какой-то стук. Ромка приглушил музыку и прислушался: явно кто-то что-то долбит молотком. И здорово долбит!

Вышел и был потрясен: Циркуль как ни в чем не бывало что-то мастачил на кухне, где на полу лежали стамески, дрель, доски.

– Привет! Прямо вовремя пришел! – Глаза у Циркуля, видимо, были на затылке, потому что Ромка тихо вошел и стоял у него за спиной. – Будь добр, подай молоток.

– Привет, – ответил Ромка, как автомат.

Он никак не мог врубиться в пейзаж на кухне. Взглянул на стол – записки нет. Прочел, значит. Ознакомился с содержанием. А где же выводы? И почему не смотался?

– Теперь, прошу, подай мне вон ту симпатичную дощечку, – попросил Циркуль, тюкая молотком. Будто сто лет они вместе что-то мастерили.

Ромка подал доску. На самом деле красивая, полированная.

– По-твоему, что это за доска?

– Не знаю. Доска как доска...

– Не-ет, это... Мы из нее сейчас сотворим хорошую полочку.

– Зачем?! – вырвалось у Ромки.

– Хороший вопрос... – Циркуль взял дрель. – Я уже давно принес эту доску, но все как-то не хватало времени. В такой кухне должна быть приличная полка, разве не так? Ты, конечно, прочел записку?

– Прочел.

– И тебе теперь совершенно непонятно, почему я еще здесь...

– Страшно удивляюсь, – кивнул Ромка.

– Я и сам удивляюсь, если честно. Но, понимаешь, у меня уж такой идиотский характер: я ужасно не люблю бросать уже начатое. Краску хорошую принес – надо кое-что подкрасить. Вот и решил: закончу, что планировал, и всё, «закроем буфет», как говорит один мой знакомый. Или я тебе очень мешаю?

– Нет, не мешаю. Просто... – Ромка пожал плечами. – Алисе все эти тумбочки, полочки до самой высокой лампочки.

– Ну, это ее личное дело. И уже несколько из другой оперы.

За таким странным разговором Ромка даже не заметил, как на стене появилась полка. Вписалась она в кухню идеально.

Вот таким макаром и пошел день за днем, вернее, вечер за вечером, потому что Циркуль поздно возвращался со своим тяжеленным кофром, тогда и начинал стучать молотком, жужжать дрелью. Он теперь вовсю занялся дверью на кухне: ее от древности всю перекосило и это портило весь пейзаж.

Они почти не общались. Только на уровне «привет», «подай», «подержи».

Ну а тот день Ромка плохо помнит. В школе почти всех свалила какая-то гадость с температурой. Хруст на уроке зашелся кашлем и поплелся домой. Барабан хвалился, что молотит в день по две головки чеснока и никакая зараза его не возьмет, и ходил очень гордый, но тоже скovyрнулся и залег на койку.

Ромка на уроке почувствовал страшную слабость. Домой причапал на полусогнутых, добрался до своей «пещеры» и плюхнулся на диван.

Что происходило дальше, он помнит какими-то бессвязными обрывками. Уже потом обо всем ему рассказал Циркуль.

У Кирилла в тот день с самого утра было паршивое настроение. Он понимал, что уже пора уходить. Осталось вбить пару гвоздей в дверь – и можно сегодня же ехать домой. Мать там одна, мучают ее искореженные артрозом суставы, да еще страшно переживает, что беспутного сыночка никак не женить. Все друзья обзавелись семьями, а он носится по белому свету с фотоаппаратом. И сейчас он ей толком не мог объяснить, что с ним происходит. А что объяснить? Что сбрендил, встретив бесподобную женщину? Перестал трезво соображать?

Да и с самого начала все складывалось как-то странно. Но это он сейчас стал понимать, а тогда был словно пьяный. В Доме актера проходила большая фотовыставка. Кирилл и его коллеги показывали свои последние работы, портреты актеров, художников, музыкантов. Много было разных экспериментальных фотографий. Кому-то нравилось, кто-то нещадно ругался.

И тут к нему подошла очаровательная блондинка.

– Простите, значит, вы тот самый Клёнов Кирилл, чьи фотографии тибетских монахов получили в Париже главную премию?

– Похоже, тот самый, – удивился Кирилл.

– Вы встречались с монахами! Это же так интересно! Мы в своей театральной студии как раз работаем над пьесой, где один из главных героев страдает, мечется, хочет вырваться из нашего быта. И встречает он монаха из Тибета... Тот живет совсем в другом мире! И тут в его жизни начинается такое, такое... Да вы прямо настоящая находка для нашей студии! Может, расскажете нам о Тибете, о людях, живущих там? Вы же общались с ними.

Он, конечно, разыскал ту студию. Сырой полутемный подвал. Вместо занавеса – свисающая кусками пленка, заляпанная краской и исписанная матюгами – цитатами со стен общественных туалетов. Шел какой-то безумный спектакль. Этой дурью Кирилла не удивить: в Голландии и Германии в таких же подвалах показывали куда круче. Но тут Кирилл ничего и никого не видел, не слышал, кроме нее... кроме Алисы...

Вот тогда и поплыли мозги. И до сих пор плывут. И ничего не может сделать с собой. Еще не получив ту записку, он знал, что закончится именно так. Знал, но не хотел верить. Все продолжал и продолжает надеяться на какое-то чудо. Хотя понимает: никакого чуда не произойдет. Алиса просто вычеркнула его из своей жизни.

Ужин решил не разогревать, сразу взялся за дверь. Стук молотка всегда успокаивал его. С детства привык к этому стуку: отец по профессии был столяр-краснодеревщик. Когда-то к нему приходили заказывать любую мебель, очереди стояли в мастерскую. И Кирилл научился многому у отца. Тот хвалил его и был уверен, что сын продолжит династию. Но Кирилл поступил в университет. Потом увяз в фотожурналистике, и накрепко.

Отложил молоток, чтобы взять с пола стамеску, и... ничего не понял.

Квартира номер 168 никогда не славилась тишиной. Роман, сын Алисы, готов был день и ночь услаждать свой слух ритмами джаза и разных роков. Ну а когда к нему приходили школьные дружки, то и вовсе на всю катушку отрывались – стены дрожали.

Дверь в свою комнату Роман всегда держал закрытой. Иногда даже запирал, уходя в школу. Алиса сразу предупредила: «Не подходи к его двери!» Она, как понял Кирилл, никогда к нему не входила.

Так вот, он услышал... Нет, он совсем ничего не услышал. В квартире стояла тишина. Такая неестественная, что даже в ушах звенело. Обычно в такое время в комнате Романа звучит музыка или он в «спортзале» гремит железяками.

Кирилл прошелся по кухне, затем из угла в угол по гостиной. Чем-то не нравилась ему эта тишина.

Заглянул в прихожую. На полу – кеды Романа, белые с красными шнурками. Тут же висит джинсовая куртка и кепка. Значит, дома парень.

Дверь в комнату Романа плотно закрыта. Кирилл подошел поближе и прислушался. Прислонился ухом к замочной скважине – неясные звуки...

Походил. Ему все больше и больше не нравилась эта тишина.

Негромко постучал в комнату Романа. В ответ – молчание.

Стукнул громче – снова ни звука из-за двери.

И тогда решительно рванул ручку. Дверь распахнулась – темнота.

Но вот он различает окна, стол, компьютер, телевизор, огромный книжный шкаф блестит стеклянными дверцами... Диван... В угол забился Роман... Лежит в одежде, и как-то странно лежит. Вот он застонал...

Кирилл нажал на выключатель, и свет заполнил большую комнату.

Лицо Романа пылало жаром. Попробовал прощупать пульс – тот едва трепетал под пальцем. Ясно: пацан заболел!

Медицинские познания Кирилла были весьма ограничены. В нелепой аптечке, что висит на кухне, – градусник, зеленка, борный вазелин, лейкопластырь. И зачем-то катушка черных ниток с иглками.

До «Скорой» дозвонился быстро. Вызов записали.

Взглянул на Романа: тот совсем нехороший был...

Вспомнил про малиновое варенье. Эта ягода ото всех болезней, всем известно! И мать поила его много раз. В холодильнике стоит банка, сам купил.

В кружку бухнул несколько ложек малины, и сразу на всю кухню разлился знакомый с детства вкусный запах.

Напоить Романа не удалось. Втолкнул пару ложек ему в рот. Тут и зазвенело в прихожей.

На пороге появилась докторша в белом халате и строгих очках. За ее спиной – блондинка медсестра с чемоданчиком размером с хороший почтовый ящик.

– Что случилось? По телефону регистратор ничего не поняла.

– Да-да... Я наговорил черт знает чего. Понимаете... это... Да вы проходите... Он вот тут лежит...

Не дождавшись вразумительного ответа, врач зашла в комнату Романа. Присела на край дивана и стала осматривать больного, пощупала живот, заглянула в рот, послушала сердце, легкие.

– Когда заболел?

– Сегодня... Как я понял, он из школы пришел, ну и...

Докторша что-то сказала медсестре, и та проворно открыла свой чемоданчик. Еще мгновение – и в ее руках шприц, ампула, запахло спиртом.

Врач за столом что-то строчит на листке.

– Сколько лет вашему сыну?

– Ну... это самое... девятый класс...

– Ясно. Ему нужно хорошо вылежаться. Побольше пить давайте. – Заметила банку с вареньем на столе. Малина – очень хорошо! Строчит и говорит, строчит и говорит, одни только медики так умеют. – И мед можно... И пить, пить, пить...

– А банки? – Кирилл вспомнил, как мать лепила ему на спину круглые стеклянные баночки, когда он простужался.

– При температуре нельзя ставить. А вот это в аптеке купите. – Докторша подтолкнула пальцем листок на середину стола. – Здесь я все написала. И пусть он лежит сегодня, завтра... Постельный режим.

Глянул на стол: на бумажке что-то накорябано. Читать некогда.

Роман дышал часто и с хрипом. Тонкая шея мелко дрожала. И сухие, в трещинах, губы подергивались. А докторша уже уходила...

– Простите! Вы...

Кирилл рванулся из комнаты и едва не сшиб медсестру. Та с писком отскочила в сторону.

– Доктор! Вы не помыли руки! – Кирилл распахнул дверь в ванную. – Сюда! Прошу!

Та зашла в ванную. Блондинка стоит и хлопает ресницами.

Вот вода уже не шумит. Сейчас доктор уйдет, а Роману плохо. Очень плохо! Она уже вешает полотенце на крючок...

– Доктор... простите... Ему же плохо... А у меня нет ничего! Одна малина... И всё!

– Как вас зовут? – Врач тронула Кирилла за руку.

– Кирилл Николаевич...

– Кирилл Николаевич, возьмите себя в руки. Так нельзя. – Доктор достала из кармана халата упаковку с каким-то лекарством. – Вашу ладонь! – Он послушно протянул руку, и она выдавила из упаковки две красные таблетки. – Это на ночь. Вам. И без паники. У мальчика интоксикация, и потому такое состояние. Пить, пить воду – и все пройдет. Вы меня поняли?

– Понял, – кивнул Кирилл, смотря в глаза докторши. И вроде блондинка смотрит спокойно, даже улыбается. – Все понял, спасибо. Вы уж извините... Вы же понимаете...

– Ничего, все будет хорошо.

Дверь захлопнулась. В голове пустота. Прислонился к стене.

Нужно взять себя в руки. Разве он не бывал черт знает в каких переделках! На Эльбрусе с фотографом из английского журнала попали в страшный ураган. Смит сломал ногу, пришлось тащить его на себе, да еще целый пуд аппаратуры. И выбрались. А в Калмыкии как загремели! Кругом пустыня, и почти вся группа в лёжку: отравились чем-то. И выжили. А тут даже докторша пришла! И медсестра! Вылечим цыпленка, обязательно вылечим!

И теперь Кирилл уже не давал Роману поблажки: заставлял глотать ложку за ложкой чай с малиной. Тот отворачивал голову, хрипел, сипел, но нет, братец кролик, тут уж не отбрыкаешься, выпьешь малинку, раз попал в такой переплет! Это расчудесное снадобье!

Романа стала бить дрожь. Кирилл закутал пацана в теплое одеяло. Вскоре дрожь прошла, и парень заснул.

Две ночи и два дня Кирилл провел возле мальчика. Заставлял глотать таблетки, клал на горячий лоб мокрое полотенце, вливал в него чай с малиной и медом. Сам дремал урывками в кресле, не выпуская Романа из поля зрения.

Что он знает о нем? Да почти ничего.

Алиса сказала, что у нее есть сын. Школьник. «Милый мальчик». И Кирилл был удивлен, когда увидел в прихожей уже вполне сформировавшегося пацана. Но еще больше его удивило, как «милый мальчик» разговаривал со своей матерью. Понял, что у них не контакт. С Алисой на эту тему разговора не получалось. И о бывшем муже почти ничего не хотела говорить. «Его нет. Я свободная женщина. И ты мне ужасно нравишься. Неужели тебе этого мало?» Много, мало... Он совершенно терял способность соображать, когда слышал ее голос, чувствовал рядом ее дыхание, видел ее локоны и затягивающий омут глаз... Да, это настоящее наваждение.

И все закончено. Надо заставить себя осознать это.

И вот пацан. Маленький человек в этом непутевом большом доме. Пацану худо. Очень. Болезнь свалила. Ничего, выкарабкается. И снова будет греметь железяками. Устроил в кабинете отца настоящий спортзал с оригинальными тренажерами. Для чего ему эти железяки, пружины? Алиса толком не объяснила, как и то, что у парня с ногой. И только теперь, когда увидел, понял, что дело довольно серьезное.

На стене, над диваном, – с десяток любительских фотографий. На них какие-то парни с веслами на байдарках. На одном снимке увидел пацана, который, сидя в лодке, кому-то махал веслом...

Кресло мягкое, в нем хорошо читать. Устал сегодня. Наваливается дремота... Чертовски устал...

Приоткрыл глаза и встретился с глазами Романа.

– Как дела? – обрадовался Кирилл.

Смотрит осмысленно, значит, самое плохое позади.

– Болит что-нибудь?

– Не болит... – Кирилл скорее понял это по шевелению губ мальчика, чем услышал.

– Ты слегка приболел. Доктор приходила. Таблетки всякие будем принимать – она назначила. Я тебе чаёк даю, с малиной и медом. Надо много пить, чтоб все зловредные вирусы вымыть из организма. Ты со мной согласен?

«Согласен», – ответили глаза Романа.

– Вот в эту посудину будешь выливать вирусы. – Кирилл показал Роману большую стеклянную банку, которую нашел на балконе. – Они здесь должны подохнуть окончательно. Голова не болит?

– Нет, – негромко произнес Роман. – А сколько прошло?

– Три дня, – сказал Кирилл. – Ты извини, я к тебе зашел без разрешения. Слышу, нет музыки, и понял: с тобой что-то не то... Ты был не совсем в форме. Но теперь уже пошел на поправку. Пока надо соблюдать постельный режим – лежать и пить. Так доктор сказала. А я в этом кресле устроился, даже спал здесь... Мне нравится твоё жилище. Можно посмотреть книги, что в шкафу?

– Смотрите, – кивнул Роман.

Он уже приходил в себя – голова не болела, только во всем теле какая-то ватная слабость. И ему интересно было наблюдать за Циркулем.

Через стеклянные дверцы шкафа поблескивали золотым тиснением толстенные старинные фолианты – классика, альбомы разные.

– Здесь столько замечательных книг!

– Их собирали дедушка и мой отец, – с гордостью сказал Роман.

– Можно взять что-нибудь почитать?

- Конечно.
 - Твой дедушка – академик Зеленский? Федор Николаевич?
 - Он самый. Но я его почти не помню.
 - А это твой отец? – На полке фотография улыбающегося мужчины.
 - Ага.
 - Ты очень похож на него.
 - Он изучал всякие инфекционные болезни. Однажды поехал в экспедицию в Индию и там заразился. Почти все, кто ездил с ним, тоже умерли. Похлеще гриппа подцепили гадость.
 - Я там бывал. К сожалению, разной гадости на свете еще очень много. Давай пообедаем? Со шкварочками гречневая каша, как тебе?
 - Моя любимая!
 - Значит, я угадал! – Кирилл давно заметил, что Роман на кухне готовит себе главным образом эту кашу. – Но сначала по тарелочке рассольника, а? Половника два. Не возражаете, сударь?
 - Не возражаю!
 - Только не вставать – приказ доктора! Все принесу сюда.
- Вот так они и познакомились. Вот таким макаром Циркуль и вошел в жизнь Ромки. Кухонную дверь отремонтировали, плитуса уложили, краску израсходовали.
- Дядя Серега вернулся из командировки и сразу посетил квартиру номер 168, чтобы познакомиться со странным человеком – Кириллом Николаевичем Клёновым.
- Дядя Серега бывает жестким и прямолинейным. Тетя Катя за это иногда даже ругает его. На что дядя Серега отвечает: «Терпеть не могу подковёрной нанайской борьбы и разной неясности. Нужно вовремя ставить точки над и». На таком уровне они и беседовали с Циркулем на кухне.
- Потом дядя Серега пояснил Ромке, о чем они говорили, что к чему, чтоб все неясности стали для него ясными.
- Во-первых, и что самое важное, – Кирилл совершенно потерял голову: он влюбился в нашу актрису Алису Петровну. Во-вторых, узнав, что та решила разорвать с ним отношения, уже собрался уйти, но обнаружил больного Ромку и стал заниматься его лечением. После выздоровления Ромки вдруг выяснилось, что они уже подружились, а дома Кирилла никто особенно и не ждет. И вопреки здравому смыслу – так прямо сам и сказал! – он решил пожить здесь, все еще надеясь, что скоро появится Алиса и скажет, что пошутила, что проверяла его.
- Короче, дядя Серега понял, что у Циркуля мозги здорово заклинило. И он прямо выдал Циркулю, что тот зря питает надежды на возвращение к нему Алисы, что та выкидывала номера и похлеще. Но, конечно, не стал рассказывать, как она рванула ночью из роддома, увидев врожденную культяпку сына.
- Дядя Серега еще что-то говорил Ромке про разговор с Циркулем, но все остальное была уже шелуха.
- Все это как бы само собой прокручивалось в голове Ромки.
- Вдох-выдох... Вдох-выдох... Вверх-вниз... Вверх-вниз...
- Он любил работать с эспандером: мягкая упругость пружин совсем не мешала думать. Можно даже прикрыть глаза.
- И увидел Сыроежку, четко так... Она смешно улыбается... И у самого рот поплыл к ушам.
- Вдох-выдох... Вдох-выдох...
- Обтер пот, слегка отдышался. Теперь к следующему тренажеру. Укрепил ремни, и заскрипели другие пружины, застучало железо.
- Сыроежка сегодня должна прийти в спортклуб.

Прокопич зовет ее Сашок. Он ей приходится дедом. Ой, строгий дедуля! Отвечает в спортклубе за инвентарь. Этого добра там выше головы, и надо следить, чтобы все было в порядке.

Ромка свою байдарку чуть не языком вылизывает. Они вместе с Сыроежкой даже имя ей придумали – «Быстрая».

Как-то он отработывал гребок, и байдарка черепахой ползла по каналу вдоль берега. Ему не скорость была нужна – выполнял установку тренера. Левая рука что-то барахлила, и гребок иногда срывался. Тут слышит с берега писк:

– Эй, на корыте! Тише едешь – дальше будешь! Смотри не перевернись! Спасатели обе-
дать ушли, никто не выловит!

Скосил глаза: по берегу шлепает незнакомая рыжая пацанка в весело разрисованных джинсах. На плече висит какая-то большая котомка.

Решил не отвлекаться и продолжал отработывать гребок.

Пацанке вроде надоело хохмить, утомилась и села возле кустов.

Возвращаясь обратно, он уже работал веслом вовсю, вода прямо кипела... Вдох-выдох... Рывок на себя... Вдох-выдох...

Краем глаза засек: пацанка торчит на том же месте. Хотел быстро проскочить мимо – не вышло. Закричала, замахала руками:

– Ну, давай, давай! Жми на всю железку! Засакаю! Финиш скоро!

Он ничего не ответил трещотке. Работать надо, следить за дыханием, за руками, ногами – сразу за всем.

«Ты должен слиться с байдаркой в одно целое! – твердил ему Важен. И тренер Борис Борисыч так же говорит. Важен сначала тоже у него тренировался. И вместе с другими отработывал каждое движение, каждый вдох и выдох.

Причалил к пирсу, поставил байдарку на положенное место, доложил Прокопичу. Дома запишет, как прошла тренировка. У него есть специальная тетрадка – Важен посоветовал завести, – Ромка в ней регулярно записывает, что получилось, над чем надо попотеть, мозоли набить.

Поднимался по ступенькам к набережной, и тут его пацанка догоняет.

– Приветик будущим чемпионам России и мира!

– Салютик, – ответил Ромка, не поворачивая головы.

Пацанка рядом скачет, не отстает. Он терпеть не может трещоток.

– А что ты такой неразговорчивый? У меня, может, вопросик к тебе! Я слышала, ты с Васей Баженом переписываешься. Так, да?

– Да.

– Отлично! Надо поговорить об одном деле!

– О каком?

Если бы пацанка не назвала имя Бажена, Ромка не стал бы даже рта открывать. А тут рыжая мелет языком, скачет рядом и даже Баженом интересуется.

– Ты на метро?

– Ага, – ответил Ромка.

– Айда! Как он там?

– Кто?

– Как – кто?! Ну Вася, конечно!

– Нормально. А тебе-то чо?

– А ничо! Важен просил, чтоб я нарисовала ему что-нибудь на память о наших местах. Фотки ему не интересны. Меня тут не было целых два месяца. Ну, Важен без меня и уехал.

– И?.. – Ромка все никак не мог врубиться, что нужно рыжей. А такой рыжей он еще никогда не встречал. Наверно, загорится спичка, если провести по ее конопатому носу.

– Объясняю: у тебя есть адрес Бажена и я хочу попросить, чтоб ты отправил ему бандероль с моими рисунками. Деньги дам, потому что бандероль не очень дешево стоит.

– Так ты художник? – догадался Ромка.

– Учусь. Пишу по-тихому...

– Ага, учишься... пишешь...

Ромка мысленно увидел альбомы с рисунками – пейзажи, портреты. И там же портреты самих художников – с горящими глазами, растрепанными волосами, с этюдниками. Он такими и представлял их. А тут перед ним какая-то рыжая трещотка и доходяга.

– Что уставился, как на привидение? Учусь. Очень люблю акварель и еще занимаюсь чеканкой.

– А что ты хочешь послать Бажену?

– Могу показать.

На скамейке рыжая раскрыла холщовый мешок, что висел на плече. Оказывается, в нем лежали краски и папки с бумагой.

– Вот. – Она стала подавать Ромке лист за листом.

Ромка молча рассматривал их.

Всё на этих картинах было знакомо и незнакомо. Он как будто впервые увидел старые липы, что стояли строгие и могучие, точно солдаты на охране канала. Никогда не думал, что так красив мокрый пирс после дождя. А вот, сливаясь с небом, темная синь озера, куда они с дядей Серегой ходят рыбачить...

– Это акварель, да? – Ромка осторожно тронул пальцем мазок краски, тонким слоем нанесенной на лист.

– Да, – негромко сказала девчонка.

– Здорово! Бажену понравится. А когда посылать?

– Я скажу. Надо выбрать самые-самые.

– Ты его давно знаешь?

– Давно. Сто лет. Он с моим дедулей дружит. – Рыжая уложила акварели обратно в мешок. – Я видела, как ты тренируешься. Чемпионом хочешь стать, как Вася?

– Хочу попробовать. Важен уверен, что у меня уже получается кое-что... Он мне подарил свои тренажеры и сказал: «Вкалывай!» Вот я и вкалываю. А ты что здесь делаешь?

– К дедушке прихожу. Он в спортклубе за вашими лодками следит. И за порядком.

– Так это наш Прокопьяч?! – удивился Ромка.

– Ага.

– Мировой старикан!

– Мировой... Он для меня всё-всё... Я видела, как ты крутил на турнике. У нас в школе ни один пацан так не сможет. Но зато пускают дым через нос, а у двоих совсем мозги полетели: то нюхали клей, а тут недавно застукали с таблетками. Уже в полиции их взяли на заметку.

– Я тех пацанов знаю. Ты, значит, в третьей школе учишься?

– Ага. Саша меня зовут. А вообще-то Александра.

– А я просто Ромка. Можно вопросик?

– Давай!

– А почему ты такая рыжая? Или крашенная и плохо отмытая?

– Не, это меня мама в роддоме выставила на солнышко и забыла на минутку, вот я там и успела так загореть.

– Здорово загорела! Прямо смотреть на тебя глазам больно!

– А ты вприщурку смотри! – расхохоталась Саша. – А то ослепнешь!

Ромка потел уже на третьем тренажере. Работал и улыбался, вспоминая, как они тогда встретились. Но Сашей он ее не звал. Сыроежка – и точка! Они вот такие же конопатые.

Еще пять минут поработаем – и в душ. А потом хвост пропеллером – и в спортклуб на десятой скорости. После обеда дядя Серега обещал принести документы для Тумагана.

Ромка вышел из ванной – хорошо! Душ после зарядочки – это у него железное правило. Потом аккуратно уложил в мешок спортивный инвентарь. Чтоб протез сидел на ноге как влитой, не болтался, были придуманы разные специальные примочки. Над этим в свое время ломал голову дядя Серега, потом Важен, сейчас даже Циркуль озаботился.

– Тумаган! – Ромка закинул вещмешок за плечи. – Я пошел воду месить. Так говорил один человек. Ты читай книги, смотри телик. На телефонные звонки лучше не отвечай. Все знают мой мобильник и позвонят, если позарез. Дверь открывай только дяде Сереге, Циркулью и мне. Слегка потерпи – скоро вместе будем по Москве мотаться, всю исколесим! Будь!

Потопал на метро.

Тук-так... Так-тук... – мягко постукивают колеса. Народу в метро сегодня не очень: отдыхает народ. Вот и пролетел мимо «Баррикадной».

И вспомнил. Как-то вдруг нахлынуло...

Два года прошло. В веселой компашке, что приваливала к Алисе, часто менялся состав. Только примелькаются, смотришь – почти все незнакомые. Уже нет весельчака Антона и вечного задирки Алика. Зато появилась новенькая – Зина. Ромка, еще до появления ее в доме, кое-что знал: у Алисы с этой Зиной сложные отношения. Главный режиссер театра, где играла Алиса, выкопал ее где-то, и та сразу начала ловко перехватывать роли, на которые могла рассчитывать Алиса.

Ромка иногда устраивался незаметно в темном углу гостиной, чтобы послушать гитару. Почти всегда кто-нибудь из актеров перебирал струны, некоторые довольно неплохо. И пели. Ромке нравилось их пение. А между песнями они до хрипоты обсуждали дела театра. Ромка был в курсе многих проблем: кто кого подсаживает, кто подмазывается к режиссеру, кто с кем спит, кому на сцене вместо воды налили в стакан водку... Они хохотали до слез и тут же рыдали, обнимались, а то вдруг начинали ругаться, даже драться.

Ромка не спускал глаз с Зины. Ему казалось, что она талантливее многих в этой комнате. Несколько раз они встречались глазами. И она улыбалась – только ему одному улыбалась. Никто об этом даже не догадывался.

Зина редко оставалась ночевать. И в ту ночь он думал, что ее уже нет. Пошагал на кухню, чтобы взять из холодильника компот из сухофруктов. Конечно, было мало надежды, что он остался в целости и сохранности. Господа актеры, закусывая и запивая, обычно подчищали все его запасы, и потому свою еду до их прихода Ромка старался из холодильника убрать. А в тот раз прохлопал, и, конечно, даже следов банки не было. Подмели всё подчистую.

Похромал обратно в «пещеру».

Пробирался по коридору среди спящих на полу, в креслах. И вдруг замер у двери в гостиную – Зина на кушетке. Узнал ее даже в полумраке. Вязанка завернулась, открыв голые ноги. Казалось, они светятся в темноте.

У Ромки даже дыхание перехватило. И громко заколотилось сердце, так громко, что испугался, как бы не услышали.

Он не помнил, как протянул руку и дотронулся до этой красивой ноги. И тут же увидел глаза Зины. Они смотрели на него из темноты и улыбались.

– Иди к себе, – услышал он шепот. – Я сейчас приду...

Как дошел до своего дивана, плохо помнил. И рухнул на него. Тихо скрипнула дверь, и уже рядом с ним горячее тело Зины.

– Малыш... – Ее шепот, ее ласки жаром обдавали его, и временами ему казалось, что он куда-то летит...

Потом никак не мог заснуть, не понимая, что произошло. А может, ничего и не произошло, а просто смотрел по телику забойный фильм про любовь. Такие фильмы пацаны в школе часто обсуждают, вспоминая разные подробности. Вот и он все придумал. И был сон, о котором он мог только мечтать. Нет, не сон, совсем не сон!.. Он чувствовал, так отчетливо чувствовал вкус ее губ!..

Тусовки актеров продолжались. Пели под гитару, хохотали, рыдали, сплетничали, дрались... Но Зина почему-то уже не появлялась. Ромка сумел раздобыть ее домашний адрес и даже собирался пойти туда, чтобы выяснить, почему она не приходит, но однажды услышал голос Зины в гостиной – пришла!

Он вылез из «пещеры» на свое обычное место. Не отрывал глаз от Зины. Та проходила близко-близко, обдавая запахом духов, но даже ни разу не взглянула в его сторону.

Тусовка как-то незаметно исчезла. Никто не остался ночевать. Зина исчезла вместе со всеми.

Ромка ничего не понимал. Всю ночь не спал. Решил написать Зине письмо. Несколько листков исписал, но все было не то. Наконец уже под утро закончил, даже запечатал в конверт. Но, подумав, изорвал его на мелкие клочки. Он понял, что должен встретиться с ней и высказать всё-всё...

Три дня Ромка ждал Зину в ее подъезде. Позвонить в квартиру не решался, да и не было ее дома. Точно знал, что нет.

И вот поздним вечером увидел. Она подъехала на такси. Думал, что одна, но рядом с ней оказался какой-то хипарь, длинный, как макаронина, в очках. Тот волочил большой и, видимо, тяжелый чемодан.

Вот они в подъезде, уже идут в сторону лифта.

– Зина! – негромко позвал Ромка.

Та остановилась, завертела головой.

Ромка шагнул к ней из темноты.

– Ой! Кого я вижу! – заулыбалась. – Ты что здесь делаешь?

– Жду тебя.

– Меня? – Зина повернулась в сторону спутника. – Неси чемодан наверх. Но не открывай!

Я сама все разберу.

Лифт утащил хипаря.

– Малыш, так зачем ты меня ждешь? – Она спрятала руки в карманы и смотрела на Ромку уже как-то по-другому, без улыбки. – Если от Алиски, то я ей ничего хорошего передать не могу. Просто слов нет, как она достала меня! Расплевались мы с ней, кажется, надолго! Если не навсегда!

– Я не от Алисы. Я все время ждал... ждал тебя... – выдавил из себя Ромка. Говорить ему было почему-то очень трудно, никак не мог подобрать нужные и важные для него слова. – Ты... ты же мне говорила...

– Что говорила? – удивилась Зина. – А-а... Ой, дурачок! Совсем дурачок! Неужели ты пришел, потому что...

– Но ты...

– Малыш, выброси все из головы. Дошло? – Она смотрела на Ромку, как училка, что-то разъясняющая тупице. – Вы-бро-си!

– Как это – выбросить?

– Да обыкновенно. Мы просто с тобой немного побаловались. А у тебя впереди будет еще и не такое... Ух какой ты миленький! Ну зачем ты так смотришь на меня? Прямо как волчонок.

– Ты... Ты... знаешь, кто ты?! – Грудь Ромки перехватило тугим обручем, и слова вырывались с трудом.

– Ну! Ну давай! Говори! – Зина почему-то страшно обрадовалась, глаза загорелись. – Смелее! Говори! Шалава? Проститутка? Да?! Ну скажи! Выдай!

Зина подошла к Ромке близко-близко и что-то говорила, говорила, блестя зубами. И от запаха ее духов, ее тела у него уже начинала кружиться голова. А глаза... Нет, глаза были плохие... очень плохие... Ему даже стало страшно смотреть в них.

И он оттолкнул ее. Сам чуть не потерял равновесие, а она ударилась о батарею.

– Ты что?! Культяпка! Недоумок! – Ее крик бил по ушам. – Никогда не смей приходиться сюда! Урод! Прочь отсюда!

Он зажмурился.

Зина не понимала, что говорит. Она не знала, что он может сейчас ударить ее. За что она так ненавидела его? Что он сделал ей плохого? Зачем? Зачем она так?!

Ромка рванулся из подъезда и едва не упал. Он почти бежал. Ноги его разъезжались. Падал, поднимался и снова бежал. Из глаз текли слезы. Остановился, когда уже не было сил. В голове все смешалось. Вдруг ощутил свою ненужность здесь, на этой земле. Никому, никому не нужен! Можно сейчас броситься под электричку! И всё! И никто этого даже не заметит. Поезда будут мчаться дальше... Люди будут бежать, спешить, толкаться... И всем-всем плевать, что какой-то культяпый грохнулся. И эти тачки вонючие даже на секунду не затормозят! У них тупые безразличные рыла. Страшно захотелось шагнуть на бетонку, навстречу слепящим огням, и крикнуть этим тупым рылам, что он думает о них, как ненавидит. И крикнет! Громко!

Вдруг он четко услышал голос дяди Сереги: «Ромка! Твоя фамилия Зеленский! И всегда иди только на зеленый!»

А перед глазами ярко горел красный свет. Прямо полыхал.

Он не помнил, как спустился в метро. Мимо вагонного окна мелькали станции, люди на перронах. Хлопали двери. Объявляли остановки...

Поезд остановился, его вместе с толпой вынесло из вагона. Теперь надо было куда-то идти. Какие-то одинаковые лица у всех. И куда-то спешат, спешат...

Тук-тук... Тук-тук... Это так звонко и весело отсчитывает шаги его костыль. Осталось подняться на эскалаторе, немного пройти – и увидит на дальнем конце пирса Сыроежку. Она там всегда сидит и ждет его, любителю солнечными зайчиками, прыгающими по воде. «Я, – говорит, – играю с ними в догонялки, пока жду тебя».

Потом он влезет в байдарку, приладит культяпку – и вперед.

Тренер разработал для Ромки специальные упражнения; подобные Борис Борисыч давал и Бажену, когда тот тренировался у него.

Сыроежка здорово помогает: она каждые пятьдесят метров контролирует на секундомере, как он выполняет эти спецупражнения, подсказывает, где нужно сделать рывок, где притормозить.

Потом будет передышка, и он сядет рядом с Сыроежкой на берегу, а та расскажет что-нибудь интересное. Она где только не бывала со своим Прокопичем! Ездили на Байкал, в Красноярск, смотреть на уникальные каменные столбы, на Соловецкие острова, где знаменитый монастырь. И везде с ней были карандаши и краски.

Вот так сидели однажды, Ромка слушал и массажировал левую ногу: устала что-то...

– Ром... – Сыроежка прервала свой рассказ. – А что случилось с твоей ногой? Вот у Васи Бажена после аварии ампутировали...

– У меня другая авария. Похуже. Еще в роддоме.

– Как это – в роддоме?

– Я родился уже с такой ногой. Подобрать к ней протез проблема, и большая. У Бажена там все проще.

- Покажи мне.
- Что показать? – Ромка не понял.
- Вот эту ногу... ну, которая у тебя...
- Может, не надо? – Ромка из-за культяпки даже никогда не купался на общественных пляжах. Никак не мог привыкнуть, что все начинают смотреть на него с жалостью, а то и брезгливо морщатся, будто дохлую крысу увидели. – Зачем тебе это?
- Прошу, Рома!.. Может, я смогу придумать что-нибудь... – Она смотрела на него так серьезно.

Ромка закатал штанину трико и отстегнул протез. Тот отвалился от ноги, и выглянула сразу вся лапушка – подышать! Розовая! Задохнулась она в тесноте, теперь обрадовалась яркому солнцу, синему небу.

– Ой какая! – воскликнула Сыроежка и вся потянулась к лапушке. – Какая ножка! Да нет, это же ручка! Вон какие пальчики... – Сыроежка ласково коснулась лапушки. – Маленькая ручка, здравствуй! – и пожалала пальчики. Лапушка ответила Сыроежке пожатием. Девочка удивленно взглянула на Ромку. – Ой-ой! Да она у тебя какая сильная!

– А то! Здороваться так здороваться! Она все может. Даже рисовать! Правда, получается не совсем как у тебя. И писать мы умеем.

– Вот это да! А от протеза ей, наверно, больно? Давит?

– В этом вся проблема. У Бажена там ровно. Мы с дядей Серегой всех профессоров в Москве объехали: предлагают операцию, чтобы снять проблему.

– Так надо сделать операцию!

– Но тогда придется все отрезать.

– Как это – отрезать? Вот эту славную ручку?

– Ну да. Ко всем чертям! И сделают там ровненько. И бери любой протез тогда.

– А нельзя, чтоб не отрезать?

– Пока никак... А мне жалко: она ведь живая.

– Да, живая. Совсем как моя рука. – Сыроежка покачала головой, прикусила губу. – Значит, не могут придумать протез для тебя, миленькая, чтоб не натирал...

– Эти профессора не могут.

Тюк-тук... Тук-тук... Вот уже совсем рядом спортклуб.

И Сыроежка на месте.

– Привет, Ром! – Она еще издали приветливо машет ему рукой.

– Салют!

И вот он уже залез в байдарку.

– Разминочка! – кричит Сыроежка. – Шуруй до буйка и обратно!

– Слушаюсь!

– По-ехали! – Сыроежка любит изображать из себя командира.

Она с силой оттолкнула байдарку от пирса.

Ромка поглубже вдохнул, выдохнул и правой рукой вогнал край весла в воду. Он всегда с правой начинал. И пошло-поехало. Главное, не сбиться с ритма: на нем все завязано.

Обошел буйек кругом. Руки набрали хороший ритм – раз-два... раз...

Возле пирса резко развернулся. Теперь это у него красиво получается, а то сначала чуть в сторону – и носом в воду.

– Хорошо идешь! Теперь до второго буйка шуруй! Время засекай не буду. Крутишь обратно – и сразу засекаю. Понял?

– Понял!

– По-шел!

Красиво она командует! С таким командиром не пропадешь!.. И пошел. Вдох-выдох... Правая... левая... Прошел мимо лодки с пьяной компанией – за версту несет куревом, водярой, и по ушам дешевая попса бьет. Отдыхаем...

В башке только ритм: раз-два... Вдох-выдох...

Слева по борту еще лодка. Знакомая. Это дедуля с бабкой катаются каждое воскресенье. У него седая борода клинышком и очки на носу. Бабуля тоже в очках, а еще в широкополой шляпе и с зонтиком в руке. Они по очереди сидят на веслах. Другой в это время читает книжку. И еще с ними девчонка. Она часто бултыхается в воде с резиновым кругом. На голове девчонки всегда завязаны большие цветные банты.

Мимо шуришим. Держим ритм: Раз-два... раз-два... Вдох-выдох...

За спиной рев мотора – крутые выехали на своих скутерах. Рановато что-то сегодня, обычно после обеда вырывают.

На канале их очень не любят. Летают как чумовые, уже сбивали лодки.

Грохот приближался. Мимо один за другим промчались два огромных серебристых скутера. С трудом удержал байдарку, чтоб не перевернулась от высокой и сильной волны. Дыхание сбилось.

– Придурки! – Не слышат. – Плевать на вас!

Дальше пошуровали, Культяпка! «У каждого свои горизонты», как любит повторять Циркуль.

Раз-два... Вдох-выдох... Раз-два...

И тут Ромка услышал крики – обернулся. Это старик и бабулька кричат и размахивают руками:

– Помогите! Спасите! Верочка тонет! Скорее! Верочка тонет!

Круто развернулся и заработал веслом, как на финише. Вот он уже и рядом.

– Помогите! Верочку волна ударила, она тонет!

Бабулька пыталась кричать, но крика нет, задыхается. А дед держится рукой за сердце и пытается что-то сказать. Девчонки нет в лодке. И рядом не видно. Только волны плещутся.

Покрутил головой: резиновый круг в стороне плавает. Значит, волна накрыла девчонку!

А это что?! Рядом с кругом на воде большой красный бант! Тихо так плавает... И вдруг он закурился, завертелся на месте и резко ушел под воду.

Вдохнул побольше воздуха, нырнул – и почти сразу увидел девчонку. В голубовато-зеленоватой воде, точно рыбка в аквариуме, она кругами опускалась все ниже и ниже, двигая руками, точно летела, словно хотела зацепиться за что-то...

Мешает протез... Очень мешает. Всегда снимал, когда плавал. Плевать! Некогда снимать!

Изо всех сил сделал гребок обеими руками: надо догнать девчонку, пока не ушла в глубину. Еще гребок...

Ромка любил нырять, но ни разу не занывивал так глубоко.

Уже близко девчонка. Вот она. И... выскальзывает из рук.

Ага, косичка болтается! Бант красный... За косичку ухватим!

Теперь выгребай наверх, Ромка! Давай... Давай!

В груди перехватило. Немного уже осталось...

Как же сдавило грудь... Еще рывок! И косичку держи! Крепче!

Вынырнул, схватил глоток воздуха. Вынырнул!

Теперь девчонка рядом. Перевернуть лицом вверх! И надо ее в лодку, быстрее в лодку!

Греби, Ромка, греби! Где эти стариканы?!

Подтолкнул девчонку к лодке.

– Держите за руки! – заорал Ромка.

А бабка никак не может втащить девчонку: слабые руки у нее. Дед за сердце держится...

Поднырнул под девчонку и вытолкнул ее вверх! Изо всех сил!

Бабка подхватила под мышки.

– Держи! Не отпускай!

Подтолкнем еще. Перевалили через борт... Всё!

Рядом грохот мотора: синяя лодка рядом! Спасатели подвалили.

Сердце бухает в груди, как барабан.

Перевернулся на спину: теперь можно передохнуть. Над головой чьи-то голоса, в глаза бьет солнце... И синее-синее небо... В ушах шорохи воды...

Отдышался. Как глубоко занырнул! Ну прямо рекорд поставил! Но лучше так не делать. Хорошо хоть косичка торчала, а то бы... Всё! Хватит думать об этом! Теперь айда байдарку ловить.

Она лежит кверху килем в стороне, весло рядом плавает.

Спасатели должны откачать девчонку. А ярко-красного банта вроде не было, когда ее вытаскивал... Точно не было! Утонул. Ничего, у нее, наверное, полно других бантов.

Как же мешает протез!

А вот и спасатели.

– Эй, чемпион!

Парни в тельняшках тянутся к нему сразу четырьмя руками. Выхватили его из воды, словно пушинку, и аккуратно опустили на дно лодки.

Раз лыбятся во все сорок зубов, значит, девчонка в порядке.

– Как дела? – Это подал голос Менделеев. Так зовут самого волосатого из спасателей. Он учится в институте на химика, а с весны до осени на спасательной станции работает и вылавливает из канала тех, кто потерял страх перед водой и уважение к ней. – А мы и не знали, что ты умеешь так нырять! – смеется, зубами блестит.

– Берем тебя в свою команду! Главным ныряльщиком определим! – это хрипанул Водолаз. Так все его называют. Служил на флоте. Юморист.

– Чихал он на нас! Его теперь по телику покажут! На всю страну! – скалит зубы Менделеев. – Не забудь рассказать репортерам, что наша станция всегда перевыполняет план по спасению утопающих!

Тельняшки дружно хохочут.

Ромка окончательно очухался и тоже хохочет, вытряхивая из ушей воду.

Синяя лодка подрулила к пирсу, и парни крепкими лапами со смехом вытряхнули Ромку прямо к ногам Прокопьяча и Сыроежки.

– Держите вашего чемпиона! Сдаем в целости и сохранности!

Загрохотал мотор, дальше по каналу помчались тельняшки.

Сыроежке и Прокопьячу можно ничего не рассказывать: они всё видели в бинокль.

Сыроежка сразу рванула на пирс, чтобы дед ударил в колокол: «Бе-да! Бе-да!!!» Колокол специально для этого висит на пирсе.

Она принялась выливать воду из байдарки, которую притаранили спасатели на буксире. Прокопьяч в это время закутал Ромку в махровый халат.

Теперь можно отстегнуть протез и разложить всю свою амуницию на солнце, чтобы высушить.

Стали чаёвничать и слушать разные истории Прокопьяча о спасении утопающих, а он знал их воз да еще маленькую тележку.

И вдруг Ромка вспомнил: он же во сне видел красный бант на косичке девчонки! И как огромная волна захлестнула этот бант!..

Теперь Прокопьяч и Сыроежка слушали Ромку. Не перебивали.

– Бывает такое. Все мы под Богом ходим, Он сверху смотрит на нас и размышляет, как суетимся мы тут, на матушке-земле, – высказал свое мнение Прокопьяч.

Вскоре к пирсу причалила лодка с дедом и бабушкой, и в ней та самая девчонка, которую Ромка выудил из воды.

Старички сразу к Ромке кинулись и давай обнимать, целовать его и все говорить разные хорошие слова. Бабушка непрерывно утирала платочком слезы. И у деда очки мокрые. Прокопьяч напоил их валерианкой, потом чаем.

Девочка смотрела на Ромку скучными глазами и все дергала и дергала себя за ухо. Она вроде и не понимала, в какую тоскливую историю могла вляпаться. Сопливая совсем еще.

Дедулька накорябал в блокнотик, в какой школе учится спаситель, и обещал написать в газету о подвиге Романа Зеленского. И еще старички грозились разобраться с хулиганами на воде, чтобы тех как следует приструнили.

Прокопъич посоветовал им плавать на лодке вдоль берега. И обязательно обзавестись специальными жилетами для внучки и для себя. Это уже полная гарантия от подобной беды.

И снова Ромка молотит веслом по воде, а Сыроежка бежит по берегу с секундомером в руке и успевает время от времени поглядывать в бинокль, чтобы быть в курсе, как Ромка работает.

Марафон с биноклем Саша сама придумала. Бинокль у дедули остался после армии, когда служил в Афганистане. Он не любит рассказывать про ту войну. Раз в год к нему приезжают друзья, с кем служил. Они уходят подальше, где их никто не потревожит, разводят костер и поют незнакомые песни. Иногда спорят о чем-то, да так, что земля гудит, но потом молчат и, обнявшись за плечи, смотрят на огонь.

Бинокль отлично приближает – ну прямо как на ладошке Ромка! Саше даже кажется, что она слышит его дыхание. И можно следить за руками, как держит весло, как опускает его в воду...

Когда солнце повисло низко над пирсом, дед загремел ложкой по пустой кастрюле – тоже колокол: «Завязывайте! Время перекуса!»

После того как хорошо поработали ложками, Прокопъич спросил:

– К Илюше пойдете?

– Обязательно! – ответил Ромка.

– Я ему тут положил вкусенького. – Прокопъич кивнул в сторону пакета. – Как-нибудь навещу его: есть мыслишки у меня, может, сгодятся.

Илюша – интереснейший человек. Важен уважал его, ходил к нему. Но Вася уехал в далекую Германию и Ромке передал Илюшу и еще трех человек. Передал – не совсем точное слово: поручено продолжать дело, которым сам Вася занимался многие годы.

Важен и еще пятеро культяпых, но, как и он, подвижных взяли в социальном отделе района список инвалидов, прикованных разными болячками к постели, и колясочников, совсем не выходящих из дома. Распределили этих инвалидов между собой и оказывают им всякую посильную помощь. Даже в «Вечёрке» писали и по телику показывали в новостях, как сами инвалиды помогают работникам социальной помощи и не оставляют без внимания людей, выбитых болезнью из активной жизни. Важен в Интернете рассказал, чем он занимается с друзьями и как это важно. В Сети начался шум, разные форумы – народ поддержал инициативу Бажена и его компании. В других районах города и даже в других городах стали появляться такие же «культяпкомпания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.